

Научный компонент

Научно-практический журнал Сибирского юридического института МВД России

№ 1(5)
2020

ISSN 2686-939X

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель

Сибирский юридический институт МВД России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации Эл № ФС77-74498 от 07 декабря 2018 г.).

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов, точность цитат несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

Редакционный совет (редакционная коллегия):

главный редактор, он же председатель редакционного совета – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель председателя, он же ответственный за выпуск – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника (по научной работе) Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Василевская Елена Владимировна, редактор редакторского отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционного совета:

Безруков Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России;

Евтихов Олег Владимирович – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России;

Железняк Николай Семенович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России;

Калутин Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника (по учебной работе) Сибирского юридического института МВД России;

Коновалова Ольга Викторовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России;

Куприянчик Татьяна Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных и русского языков Сибирского юридического института МВД России;

Мальков Сергей Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России;

Мельников Евгений Борисович – кандидат химических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России;

Молоков Вячеслав Витальевич – кандидат технических наук, доцент, начальник кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России;

Панов Евгений Валентинович – кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры физической подготовки Сибирского юридического института МВД России;

Пономарева Валерия Владимировна – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России;

Рябинин Николай Александрович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России;

Судницын Алексей Борисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России;

Чумаров Сергей Анатольевич – начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России;

Шинкевич Владимир Ефимович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России;

Юсупова Ольга Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Сибирского юридического института МВД России.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОУГРОЗЕ

Мамай Е.А. Состояние, социальная обусловленность наркомании в контексте исторического и социологического анализов.....	6-13
Бельский А.Е. Причины незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков, совершенных лицом с использованием своего служебного положения	14-23
Шеслер В.А. Становление уголовного запрета на хищение наркотических средств или психотропных веществ в отечественном законодательстве	24-31

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Абдрашев Р.М., Рахимова Г.Н., Мадыхан С.М. Организационно-правовые аспекты борьбы с преступностью в Евразийском пространстве	32-41
Кузнецова Е.А. Судебный порядок рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ как разновидность судебного контроля на досудебных стадиях	42-49
Будникова А.Б., Шелехов С.И. О некоторых актуальных проблемах, возникающих при квалификации правонарушений, ответственность за кото-рые предусмотрена частями. 1, 2 статьи 12.7 КоАП РФ.....	50-55
Силина Т.Б., Боярских А.Е. Осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка	56-60
Галушин П.В., Лапина Е.А. Иная вредоносная компьютерная информация как предмет преступления, предусмотренного статьей 273 УК РФ.....	61-67

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

Тепляшин П.В., Сергиенко А.С. Роль феномена выученной беспомощности в ресоциализации осужденных, изолированных от общества	68-73
Черипко Д.П. К вопросу профилактики противоправных проявлений в период проведения массовых спортивных мероприятий международного уровня	74-78
Шинкевич В.Е. Актуальность социальной мобилизации населения в условиях современного общества	79-89
Бредихин А.А. Правовой статус «Государя всея Руси» в период формирования единого русского государства	90-96

АЛГОРИТМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Маслодудова Н.В. Творческое мышление в современной системе образования	97-102
Гуралев В.М., Апальков А.В. Обоснование использования приемов из арсенала спортивных единоборств с целью совершенствования процесса физической подготовки сотрудников органов внутренних дел. Взгляд на проблему	103-110
Арский А.А. Актуальные проблемы обучения сотрудников полиции русскому жестовому языку	111-118
Васильева Т.Б. К вопросу об использовании тренировки с учебным патроном в методике преподавания огневой подготовки в образовательной организации МВД России.....	119-123

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF COUNTERACTING THE DRUG THREAT

Mamay E.A. The state and social conditionality of drug addiction in the context of historical and sociological analyses	6-13
Belsky A.E. Reasons of the illegal production, sale or shipment of drugs, committed by a person using his official position	14-23
Shesler V.A. Evolution of a penal prohibition on theft of narcotic drugs or psychotropic substances in domestic law	24-31

TOPICAL ISSUES OF LEGAL SCIENCE

Abdrashev R.M., Rakhimova G.N., Madykhan S.M. General theoretical basis for the prevention of crimes committed by law enforcement officers	32-41
Kuznetsova E.A. Judicial procedure for consideration of complaints in accordance with Article 125 of the Code of Criminal procedure of the Russian Federation as a type of judicial control at pre-trial stages	42-49
Budnikova A.B., Shelekhov S.I. About some actual problems, arising while qualifying the offences, liability for which is granted by Part 1, 2 Article 12, 7 of the Code of Administrative Offence of the Russian Federation	50-55
Silina T.B., Boyarskikh A.E. Implementation of parental rights by a parent living separately from the child	56-60
Galushin P.V., Lapina E.A. Other malicious computer information as the subject of Article 273 of the Criminal Code of the Russian Federation	61-67

SCIENTIFIC DISCUSSION

Teplyashin P.V., Sergienko A.S. The role of the phenomenon of learned helplessness in the re-socialization of convicts isolated from society	68-73
Cheripko D.P. To the issue of prevention for illegal actions in the period of international mass sport events carrying out	74-78
Shinkevich V.E. Relevance of social mobilization of the population in modern society	79-89
Bredikhin A.L. Illegal status of the «Sovereign of All Russia» at the time of formation of a united Russian state	90-96

ALGORITHMS OF HIGHER SCHOOL

Maslodudova N.V. Creative thinking in the modern educational system	97-102
Guralev V.M., Apalkov A.V. Rationale for the use of martial arts techniques to improve the physical fitness training for police officers. Formulation of the problem	103-110
Arskiy A.A. Topical issues of teaching Russian sign language to the police officers	111-118
Vasilieva T.B. On the issue of using training with a drill cartridge in teaching firearms training at an educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	119-123

УДК 316.4: 351.761.3

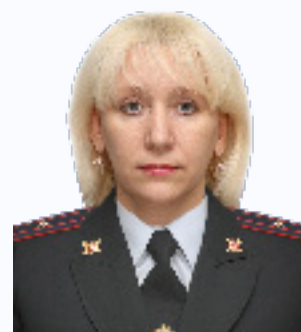
СОСТОЯНИЕ, СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ НАРКОМАНИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО И СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗОВ

THE STATE AND SOCIAL CONDITIONALITY OF DRUG ADDICTION IN THE CONTEXT OF HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSES

Мамай Елена Александровна.

старший научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

elena – mamai@mail.ru

Ключевые слова:

наркомания, наркотики, опиум, история наркомании, наркотические средства, психотропные вещества.

В статье рассматриваются исторические предпосылки возникновения наркомании и распространения наркотиков не только в России, но и по всему миру. Дается определение наркомании и описывается влияние психоактивных свойств растений на человека в разные периоды развития человечества. Рассматривается отношение к употреблению наркотиков и их свойствам в различных странах.

Keywords:

drug use, drugs, opium, history of drug use, narcotic drugs, psychotropic substances.

Historical background of the origin of drug use and spread of drug abuse not only in Russia, but all over the world are demonstrated in the article. The definition of drug abuse is given as well as the influence of psychoactive properties of plants on humans in different periods of humankind development is described by the author. The attitude to drug use and their properties in various countries is considered in the article.

Наркомания в настоящее время является одной из важнейших социальных проблем, которая представляет угрозу для безопасности российского общества. Употребление наркотических препаратов населением как причиняет непоправимый вред здоровью самого наркопотребителя, так и несет опасность большому количеству людей, социально с ним связанных. Несмотря на активные действия правоохранительных органов, с каждым днем в потребление наркотиков вовлекаются все больше и больше людей.

Согласно проведенным исследованиям в Российской Федерации «общее количество зарегистрированных наркологической службой пациентов с психическими расстройствами, связанными с потреблением наркотиков, в 2018 году составило 423,4 тыс. чел. Число умерших от потребления наркотиков – 4445 чел. По результатам социологического опроса населения, проводимого в рамках ежегодного мониторинга, 1,9 млн человек потребляют наркотики как регулярно, так и эпизодически. Имеют опыт хотя бы разового потребления около 8 млн россиян» [13, с. 5]. При этом П.В. Тепляшин отмечает, что «социальная пораженность наркотиками, функционально тесно связана с все еще высоким спросом на наркотики и смертностью от их употребления, недостаточно эффективной системой реабилитации и ресоциализации наркопотребителей, криминализацией общества за счет стабильно высокого удельного веса совершаемых общественно опасных деяний» [10, с. 153].

Для эффективной борьбы с наркоманией необходимо представлять, что понимается под этим понятием. Так, в законодательстве России наркомания определяется как заболевание, обусловленное зависимостью от наркотического средства или психотропного вещества, включенных в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 «О наркотических средствах и психотропных веществах». В медицинском аспекте наркомания понимается в качестве болезни, которая заключается в непреодолимом влечении к употреблению различных наркотиков. М.В. Грамматчиков отмечает, что «наркомания – это тяжелое прогрессирующее заболевание, разрушающее волю человека, деформирующее его чувства и разрушающее физическое здоровье. Наркомания как болезненное пристрастие к наркотикам – это преддверие криминального наркотизма» [3, с. 21]. Общественный аспект наркомании предполагает взаимосвязь данного заболевания с социальными явлениями и процессами, закономерностями развития общества.

Употребление наркотиков вызывает у человека определенные психофизические изменения, связанные с получением удовольствия и состоянием эйфории. Однако следует понимать, что человек в таком состоянии продолжает оставаться членом общества, обладает набором социальных притязаний и по-

требностей, выполняет определенную социальную роль. Этот факт и создает одну из острых социальных проблем – речь идет о социологическом измерении наркомании. В человеке заложена тяга к получению удовольствия, однако пристрастие к употреблению наркотиков в гедонистических целях приводит к негативным психофизиологическим и социальным последствиям, например, к потере здоровья, семьи, друзей, деградации личности.

Таким образом, распространение наркомании приводит к тому, что некоторая часть общества из-за социальной и физической деградации отстраняется от трудовой, общественной и семейной жизни, прекращает выполнять социально полезную роль.

По мнению ряда исследователей, «ведущими социально-психологическими факторами, способствующими росту незаконного оборота и немедицинского злоупотребления наркотиками, выступают утрата жизненных ориентиров и смысла жизни, отсутствие духовно-нравственных идеалов для определенной части населения страны, влияние наркотической субкультуры и молодежной моды на применение наркотиков в условиях общества потребления и др.» [11, с. 3-4]. Наиболее подвержены вовлечению в употребление наркотических средств несовершеннолетние и лица молодого возраста, именно они чаще всего становятся жертвами наркотической зависимости [14], так как в период становления личности из-за прерывания их социальной адаптации нарушается нормальное взаимоотношение с семьей, нормой становится противоправное поведение.

Молодежь не относит наркотики к опасным продуктам, они считают это чем-то веселым, что может скрасить их обыденную повседневную жизнь и не хотят верить, что наркотики вредят их здоровью. Они считают употребление наркотиков модным занятием. Зачастую начинается употребление наркотиков в компании друзей с целью попробовать что-нибудь новенькое, однако одного раза иногда достаточно, чтобы привести к наркотической зависимости и даже к гибели. А.Ю. Гордеев справедливо отмечает: «Многие из них быстро погибают от передозировки наркотическими препаратами либо, теряя жизненные ориентиры в своей жизни, превращаются в ходящих «зомби» без каких-либо целей в жизни и дальнейших социальных перспектив на получение качественного образования, достойной работы и создание благополучной семьи» [2, с. 117].

В целях минимизации наркомании некоторые авторы справедливо считают, что «государству необходимо разработать комплекс мер по внедрению в молодежную среду новой моды – моды на здоровый образ жизни. Тогда употреблять наркотики будет уже не модно и не интересно. А если просто изъять их у человека, то это не даст необходимого эффекта: он найдет способ употреблять и больше не попадаться» [6, с. 43].

Вопросам наркомании, поискам ее истоков и безопасности социума по-

священы много исследований, однако нельзя сказать, что решение найдено. Полагаем, что исследование именно ретроспективных аспектов данной проблемы позволяет выявить определенные предпосылки развития данного явления и определить наиболее эффективные направления противодействия.

Исторические предпосылки употребления наркотических веществ уходят в далекое прошлое. Первым упоминаемым в истории растением с психоактивными свойствами был мак. Предполагается, что неандертальцы семена мака употребляли в пищу и, возможно, знали об их психотропных свойствах. Употребление одурманивающих растений начинаются с момента использования огня, когда при сгорании различных растений, среди которых может быть был мак, люди дышали этим дымом, что вызывало одурманивание. Не исключается вероятность случайного знакомства людей с наркотиками, например, при жевании растений, обладающих наркотическими свойствами. Есть мнение, что первобытные люди использовали растения для улучшения сна, снятия боли, а также получения приятных ощущений.

Наркотики сопровождали развитие цивилизации на всех ее этапах. Я.А. Золотов справедливо отмечает: «У истоков ранней религиозности сплошь и рядом стоят психоактивные растения, которые тонко вплетены в священные обряды и повседневные традиции народов и сопровождают человека с момента рождения до самой смерти» [5, с. 175].

Той же точки зрения придерживается Е.И. Майорова, которая пишет: «Греческие вакханалии, религиозные праздники обитателей джунглей Амазонки или верховий Нила всегда ожидались народом с большим нетерпением, поскольку сопровождались употреблением снадобий из различных растений, вызывающих эйфорию, беспричинную веселость, а затем странное оцепенение» [7, с. 6].

Самым «древним» наркотиком считается опий. Древние шумеры, жившие за пять тыс. лет до н. э., применяли опиум как снотворное средство. Опиум в переводе с шумерского означает «радость». Около тысячи лет до н. э. в Индии воинам давали опиум для повышения храбрости.

Опий был известен древним грекам в V в. до н. э. как «устранитель скорби». Считается, что «именно греческая культура дала название препарату, приготавливаемому из млечного сока засохших головок мака, – слово «опос» («опиум») в переводе с греческого означает «сок»» [9]. Способы применения наркотиков были обнаружены в трудах различных авторов того времени, например, в трудах древнегреческого врача и философа Гиппократе среди 300 лекарственных растений упоминается вещество, которому приписано наркотическое свойство, называемое «меконином».

Из рассказов древнегреческого историка Геродота стало известно, что скифы были знатоками лекарственных растений и применяли такие обезболива-

ющие средства, как опий и корень мандрагоры, чтобы лечить переломы, вправлять вывихи и вырывать зубы. Геродот писал, что «скифские племена садились вокруг дерева, бросали в костер какие-то плоды, от дыма которых пьянели» [8, с. 135].

Римские врачи в I в. н. э. применяли опий для лечения различных заболеваний, некоторые историки предполагают, что римский врач Клавдий Гален восторженно относился к опиуму, назначая его для лечения некоторых болезней, поэтому распространение данного наркотика в Риме получило такую популярность.

С VII в. н. э. после завоевания Египта, Ливии, Палестины, Афганистана и Индии, а также после крестовых походов X – XII вв. границы распространения опиума расширяются. В Европу попадает опиум после путешествий Марко Поло.

По мнению историков, «XVI в. ознаменовался широким использованием в медицине лекарственных средств на основе опия, чему способствовали опыты Парацельса по выделению веществ из растений, способных излечивать от разных недугов. В 1527 г. «лауданум» (опий, смешанный с алкоголем) Парацельса был представлен в медицинской литературе и еще три столетия считался панацеей от многих болезней» [1, с. 4].

В 1581 г. в Москве была открыта первая царская аптека, в которой Дж. Френч продавал различные лекарства, привезенные из Англии, в том числе опиум. Известны факты, что на Руси мак использовался крестьянскими женщинами, которые после родов через несколько дней выходили в поле и брали с собой новорожденных младенцев, которым накладывали на темя марлевый мешочек с разжеванным маком, чтобы они спали.

В эпоху великих географических открытий узнали о новых психоактивных веществах, например после открытия Америки мир узнал кокаин и табак.

В 1803 г. немецкий химик-фармацевт Ф. Зертюрнер смог выделить из опия алкалоид, названный морфином.

В XIX в. множество врачей и интеллигенции считали, что опий и другие наркотические вещества полезны для здоровья, имеют лечебные свойства, а также дают новые ранее неиспытанные ощущения. Активным пропагандистом опиума считается Томас Де Куинси, который в 1822 г. написал книгу «Исповедь человека, употребляющего опиум». В ней он описал свои ощущения после употребления опиума. Книга была очень популярна в обществе. Также Бодлеровское описание воздействия гашиша на организм долгое время считалось эталонным. Редьярд Киплинг написал рассказ «Ворота ста печалей», в котором описал болезненное потребление опия.

Необходимо отметить, что, несмотря на длительное использование мака, никто в научных трудах не отражал губительное воздействие на организм чело-

века. Еще длительное время наркотические средства находились в свободной продаже аптек. Опасения в отношении приема наркотиков начали появляться после гибели от опиума таких известных людей, как Б. Бронте, У. Кольриджа, Э. По, леди Дж. Карлайль и др.

Процветание наркоторговли с Китаем привело к росту потребителей наркотических средств. В частности, когда англичане поняли, что продавать опиум в Китай выгодно, стали увеличивать количество поставляемых наркотиков, в результате чего миллионы китайцев стали опиоманами. После того как император Линь Цзюсюй запретил торговцам продавать опиум, возник конфликт, который перерос в войну. Первая «опиумная война» была с 1840 г. по 1842 г. Вторая война продолжалась с 1856 г. по 1858 г. и закончилась подписанием Тяньцзиньского договора.

В 1853 г. был придуман шприц, который обусловил распространение внутривенного введения морфия, а в 1898 г. немецким фармацевтом Генрихом Дризером было открыто новое химическое соединение, названное героином, который оказался сильнее в десять раз морфина и распространился в течение пятнадцати лет в 22 странах.

В начале XX в. в России после завершения русско-японской войны (1904-1905 гг.) и Первой революции (1905-1907 гг.) вспыхнула первая наркотическая эпидемия, вызванная всплеском насилия и последовавшим за ней экономическим кризисом. Люди искали выход из враждебной реальности, и нашли его в наркотической эйфории. Наркотики тогда были в аптеках в свободной продаже.

Психиатр С.И. Каган в начале 1920-х годов признал ошибочной практику использования наркотиков. Однако к 1920 г. проблема наркомании имела уже серьезные масштабы. По мнению В.В. Данилова, «одной из причин роста наркомании в стране стал запрет употребления алкоголя в двадцатые годы. В результате этого часть населения переключилась с употребления алкогольной продукции на наркотические вещества» [4, с. 6].

Таким образом, сложились предпосылки для начала борьбы с употреблением наркотиков. Принятие постановления ВЦИК и СНК СССР от 27 октября 1934 г., в котором запрещалось сеять опийный мак и индийскую коноплю, стало началом организации мер по борьбе с распространением наркотиков.

До середины 1980-х годов в СССР наркоманов было незначительное количество, однако в период «перестройки» (1984-1990 гг.) их численность увеличилась в два раза. Пик героиновой наркомании пришелся на 1995-1997 гг.

Исследователи отмечают, что «по информации Минздрава, к началу 1998 года в результате немедицинского потребления наркотиков были поставлены на медицинский учет около 214 тыс. чел., из которых примерно 31 тыс. несовершеннолетних и более 24 тыс. женщин» [4, с. 8].

Для оценки состояния наркоситуации в Российской Федерации в настоящее время имеет важное значение анализ изъятия всеми правоохранительными органами наркотиков из оборота, а выделение опийной группы позволяет оценить востребованность данного вида наркотиков. Так, «с 2014 года наметилось снижение изъятия общего количества наркотических средств, особенно с 2016 года, когда отмечено снижение количества изъятия наркотических средств в целом по России на 40 %... В общем объеме изымаемых наркотических средств по годам доля наркотиков опийной группы составила в 2014 году – 14,9%, в 2015 году – 9,6%, в 2016 году – 7,0%, в 2017 году – 4,6%, в 2018 году – 5,7%» [12, с. 79].

Необходимо отметить, что в условиях нового тысячелетия происходит вытеснение таких традиционных наркотических средств, как маковая солома и марихуана, более сильными и опасными для здоровья препаратами, особенно синтетического и полусинтетического происхождения, например героином.

Подводя итог, мы можем сделать следующие выводы: во-первых, под наркоманией можно понимать тяжелую зависимость человека от наркотиков; во-вторых, исторические факты свидетельствуют о том, что наркосодержащие вещества были известны человеку во все периоды развития цивилизации, однако не всегда употребление наркотиков имело однозначное социальное значение; в-третьих, существует прочная взаимосвязь наркомании с социальными явлениями и процессами, закономерностями развития общества.

Библиографический список

1. Вислова, А.Д. В лабиринтах истории наркотизма / А.Д. Вислова // *Apriori*. Серия : гуманитарные науки. – 2016. – № 5.
2. Гордеев, А.Ю. Современное состояние, тенденции наркотизма в России и система мер по его противодействию / А.Ю. Гордеев // *Вопросы российского и международного права*. – 2018. – Т. 8. – № 7А. – С. 117.
3. Грамматчиков, М.В. К вопросу о профилактике наркопреступности среди молодежи / М.В. Грамматчиков // *Противодействие наркоугрозе на современном тапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты : материалы международного научно-практического семинара (5 апреля 2019 г.)*. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019.
4. Данилов, В.В. История и нормативно-правовое регулирование оборота наркотических средств и наркопреступности в СССР и России в XX веке / В.В. Данилов // *Мир науки и образования*. – 2015. – № 3.
5. Золотов, Я.А. Наркотики: историческая ретроспектива / Я.А. Золотов // *Экономика образования*. – 2013. – № 1.

6. Кудрявцев, М.Д. Противодействие наркоугрозе в Российской Федерации средствами физической культуры и спорта / М.Д. Кудрявцев, А.Г. Галимова, Г.Я. Галимов // Противодействие наркоугрозе на современном тапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты : материалы международного научно-практического семинара (5 апреля 2019 г.). – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019.
7. Майорова, Е.И. Наркомания – национальное бедствие / Е.И. Майорова // Лесной вестник. – 2003. – № 4.
8. Никитин, С.А. Некоторые социальные аспекты наркомании и токсикомании / С.А. Никитин, Т.Н. Щербаков // Социальная работа и обеспечение занятости как профилактика девиантного поведения молодежи : тезисы доклада международной научно-практической конференции. – Волгоград : Перемена, 1996.
9. Расторгуев, Д.В. Опиум в современной жизни и гомеопатии / Д.В. Расторгуев. – URL: <http://www.norna.ru/arts/opium.htm> (дата обращения: 20.02.2020).
10. Тепляшин, П.В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // Lex Russica. – 2017. – № 10. – С. 147-157.
11. Харабет, К.В. Противодействие наркотизму и наркопреступности в Вооруженных Силах Российской Федерации (социально-правовое и криминологическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / К.В. Харабет. – М., 2019.
12. Шинкевич, В.Е. Состояние и динамика наркопреступности и наркорынка опийной группы в Российской Федерации и некоторые рекомендации по профилактике наркомании / В.Е. Шинкевич, Е.Н. Бен, Е.А. Мамай. – Вестник Сибирского юридического института МВД России – 2019. – № 4(37).
13. Шинкевич, В.Е. Состояние и перспективы обеспечения наркобезопасности социума: по результатам мониторинговых исследований в Красноярском крае : монография / В.Е. Шинкевич, Е.Н. Бен, Н.В. Маслодудова [и др.] ; под научн. ред. докт. социол. наук В.Е. Шинкевича. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019.
14. Шинкевич, В.Е. Феномен зависимости как проблема социологического исследования / В.Е. Шинкевич // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 1.

УДК 342.98

ПРИЧИНЫ НЕЗАКОННЫХ ПРОИЗВОДСТВА, СБЫТА ИЛИ ПЕРЕСЫЛКИ НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

REASONS OF THE ILLEGAL PRODUCTION, SALE OR SHIPMENT OF DRUGS, COMMITTED BY A PERSON USING HIS OFFICIAL POSITION

Бельский Александр Евгеньевич,

преподаватель кафедры огневой

и тактико-специальной подготовки

Сибирского юридического института

МВД России (г. Красноярск)

alexanderbelsky548@gmail.com

Ключевые слова:

детерминанты преступности, незаконные производство, сбыт или пересылка наркотиков, служебное положение, служебно-профессиональная среда.

В статье осуществлен анализ причин и условий совершения лицом незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков с использованием своего служебного положения. Отмечается, что совершение этих преступлений обусловлено целым комплексом причин и условий. Осуществлена классификация причин и условий совершения вышеуказанных преступлений по различным основаниям. Сделан вывод о том, что эти детерминанты могут быть различных уровня и содержания – от макропроцессов, происходящих в обществе, до влияния на человека микросреды, от экономических, духовных, социальных или политических факторов до личных мотивов поведения человека в конкретной жизненной ситуации. Знание причин и условий совершения лицом незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков с использованием своего служебного положения необходимо для эффективного противодействия наркопреступности.

Keywords:

causes of crime, illegal production, sale or shipment of drugs, rank, professional environment.

The article analyzes the reasons and conditions for a person to commit illegal production, sale or transfer of drugs using their official position. It is noted that the Commission of these crimes is caused by a whole set of reasons and conditions. The classification of the reasons and conditions for the Commission of the above-mentioned crimes on various grounds has been carried out. It is concluded that these determinants can be of various levels and contents—from macro processes occurring in society, to the influence of microenvironment on a person, from economic, spiritual, social or political factors to personal motives of human behavior in a specific life situation. Knowledge of the reasons and conditions for a person to commit illegal production, sale or transfer of drugs using their official position is necessary for effective counteraction to drug crime.

Говоря о причинах преступности, связанной с незаконным производством, сбытом или пересылкой наркотиков, необходимо учитывать три важных момента.

Во-первых, это личность самого наркопреступника, а именно: какие цели он преследовал, совершая преступление, каким мотивом руководствовался, что именно его побудило к совершению преступления.

Во-вторых, каждый человек находится в каких-либо социальных группах, которые участвуют в его социализации, оказывают на него морально-воспитательное воздействие, участвуют в формировании его воли и сознания. В частности, это такие социальные группы, как семья, учебный коллектив, трудовой коллектив, неформальное окружение (друзья, кружки и секции по интересам).

В-третьих, необходимо учитывать общественные процессы (так называемые «макропроцессы»), поскольку они оказывают влияние на образ жизни малых социальных групп, в которых формируется и действует лицо, совершающее наркопреступление.

Согласно результатам исследования причин распространения наркомании в Красноярском крае, основными причинами «распространенности наркомании и в 2016 г., и в 2017 г., и в 2018 г. респонденты выделяют следующие детерминанты: моральная деградация общества, вседозволенность, неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие, влияние наркобизнеса, доступность наркотиков, излишняя свобода, отсутствие организованного досуга, безработица, экономические проблемы» [5].

Учитывая вышеизложенное, согласимся с тем, что «причины преступности следует рассматривать на следующих уровнях: общесоциальном, социально-психологическом и личностном» [2].

Таким образом, обозначенный подход может выступать методологической основой для изучения причин незаконного производства, сбыта или пересылки наркотиков, совершенных лицом с использованием своего служебного положения.

Существуют общесоциальные причины незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков. Такими причинами являются процессы, происходящие в масштабах всего общества, потребительский образ жизни общества. Также следует выделять социально-психологические причины незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков – процессы, происходящие в социальных группах, где формируется личность наркопреступника. И необходимо отметить личностные, психологические причины незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков, которыми являются мотивы поведения наркопреступника в конкретной жизненной ситуации, его реакция на эту ситуацию.

Общесоциальными причинами преступности, связанной с незаконными производством, сбытом или пересылкой наркотиков, совершенных лицом с использованием своего служебного положения, являются экономические явления, так как именно экономика во многом предопределяет социальные, политические и духовные процессы, происходящие в обществе. По нашему мнению, следующие экономические явления выступают причинами совершения незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков: либерализация цен; монополизация товарного рынка, когда монополисты стремятся получить сверхприбыль путем снижения производства товаров, создавая тем самым дефицит и повышая на них цену; неконтролируемые инфляционные процессы, которые уничтожают денежные сбережения населения.

Вышеуказанные отрицательные экономические явления порождают негативные социальные явления, которые являются социальными причинами совершения незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков. Этими причинами являются: резкое имущественное расслоение населения, низкий уровень доходов и жизни основной массы населения, часть которого, используя свое служебное положение, пытается улучшить качество собственной жизни и повысить свои доходы путем незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков. Как отмечает П.В. Тепляшин, наркобизнес, детерминированный сверхдоходами, получаемыми от незаконного оборота наркотиков, выступает источником дефицитной ликвидности для мировой банковской системы и неотъемлемым сегментом современной монетарной системы. Высокая рентабельность наркобизнеса «фактически детерминировала его полную монополизацию организованными преступными организациями, создающими отлаженную индустрию производства и распространения наркотиков» [8]. Также в специальной литературе указывается, что «для такого явления, как

наркобизнес, характерны такие черты, как многоплановость, масштабность и организованность» [6].

Вышеуказанные негативные явления порождают отрицательные духовные явления, которые являются нематериальными причинами совершения незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков, совершенных лицом с использованием своего служебного положения. Резкое имущественное расслоение общества, вычурное и показное благосостояние малой части людей и понимание основной массой населения того, что реальной перспективы улучшить свое материальное положение законными способами не существует, деформируют нравственные представления людей, уничтожая мотивы правомерного поведения. Причем речь идет не только о деформации индивидуального человеческого сознания, но и о деформации сознания социальных групп, что может способствовать повышению общественной опасности совершаемых преступлений.

Говоря об отрицательных духовных явлениях, хочется отметить, что криминологи обращают внимание на «деформацию досуговой психологии, состоящую в том, что досуг рассматривается как форма празднично-паразитического, беззаботно веселого проведения свободного времени (употребление спиртного, наркотиков, азартные игры и т.д.) [1]. Данные процессы имеют затяжной, продолжительный характер. Значительную роль в деформации досуговой психологии населения играют средства массовой информации и коммуникации; в частности, телевидение и Интернет, слабо пропагандируют здоровый образ жизни, открыто демонстрируют видеосюжеты о получении приятных ощущений от спиртного и наркотиков. Такая информационная политика привела к тому, что в определенных социальных группах, именуемых «золотая элита» или «золотая молодежь», сформировался культ потребления наркотиков. При этом культ потребления наркотиков рассматривается как верный способ получения удовольствия и наслаждения от жизни. Исследованиями причин распространения наркомании в Красноярском крае в 2018 году установлено, что «доминирующими причинами наркопотребления в крае являются интерес, любопытство, компания, эффект от употребления, искушение, желание попробовать новое» [5]. Таким образом, утверждается гедонистический подход к жизни, утверждающий наслаждение как высшее благо и цель жизни. Данные особенности закладывают негативную основу для формирования отрицательных устремлений со стороны лиц, которые вовлечены в легальный оборот наркотиков.

В поддержании культа потребления наркотиков заинтересованы лица, занимающиеся незаконным производством, сбытом или пересылкой наркотиков. Иными словами, для лиц, занимающихся незаконным производством, сбытом или пересылкой наркотиков, пропагандируемый в обществе, по сути,

гедонистический подход к жизни и культ потребления наркотиков только на руку, ведь спрос порождает предложение. Лица, имеющие возможности, обусловленные их служебным положением, незаконного производства, сбыта или пересылки наркотиков, понимают, что путем совершения указанных преступных деяний могут улучшить свое материальное положение. Использование своего служебного положения при совершении вышеуказанных преступлений облегчает их совершение, повышает их общественную опасность и создает условия для уклонения от привлечения к уголовной ответственности.

В настоящее время в действующем УК РФ отсутствует легальное определение понятия «служебное положение» применительно к незаконному производству, сбыту или пересылке наркотиков, совершенных лицом с использованием своего служебного положения. Квалифицирующий признак «с использованием лицом своего служебного положения» в Особенной части УК РФ встречается часто, однако даже на уровне Верховного Суда РФ толкование данного признака отличается применительно к разным составам преступления. В частности, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» использование лицом своего служебного положения применительно к ст. 229 УК РФ связано с использованием лицом своих трудовых функций. В отношении ст. 228.1 УК РФ толкование Верховного Суда РФ отсутствует, что дает возможность правоприменителю понимать термин «использование своего служебного положения», руководствуясь своим правосознанием и совестью. В самом общем виде под использованием лицом своего служебного положения понимается, что лицо использует предоставленные ему по службе или по занимаемой должности полномочия, управленческие функции в коммерческих организациях, возможности государственного или муниципального служащего или иные возможности, обусловленные его служебным положением, занимаемой должностью. Иными словами, достаточно установить, что служебное положение позволяет лицу использовать свой статус для незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков. Это могут быть врачи, медсестры, фармацевты, работники предприятий, производственная деятельность которых связана с наркотическими средствами или психотропными веществами.

Рассматривая общесоциальные причины совершения незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков, следует отметить коррупцию в органах государственной власти, в том числе в системе правоохранительных органов. Коррупция «препятствует проведению правоохранительными органами необходимых оперативно-розыскных и следственных мероприятий в отношении групп и отдельных лиц, занимающихся незаконным оборотом на-

ркотических средств, и, кроме того, препятствует согласованному взаимодействию всех субъектов предупреждения наркопреступности между собой» [9]. Представляется, что между коррупцией и причинами исследуемых нами преступлений обнаруживается обуславливающая связь.

Так, согласно результатам исследования в 2019 г. состояния и перспектив обеспечения наркобезопасности социума в Красноярском крае, «респонденты в первую очередь к причинам наркомании относят моральную деградацию общества. На втором месте неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие, на третьем – влияние наркобизнеса, доступность наркотиков. Значимыми являются также и показатели «излишняя свобода, отсутствие организованного досуга», «безработица, экономические проблемы» и «плохая работа правоохранительных органов» [7].

Коррупция в органах государственной власти способствует совершению незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков лицом с использованием своего служебного положения по следующим направлениям:

- перемещение наркотиков через государственную границу России;
- использование наркомафией коррупционных связей для уклонения от уголовной ответственности;
- использование наркомафией коррупционных связей для легализации доходов, полученных в результате незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков. Опасность легализации преступных доходов состоит в том, что такие доходы получают режим правовой охраны, такой же как и доходы, полученные законным путем. Кроме того, выгодные финансовые вложения легализованных преступных доходов создают финансовую базу для дальнейшей преступной деятельности по незаконным производству, сбыту или пересылке наркотиков.

Таким образом, коррупция в органах государственной власти и, как следствие, недостаточная работа различных субъектов антинаркотической деятельности в сфере противодействия наркораспространению создают доступность для населения и возможность криминального приобретения наркотических средств и психотропных веществ.

Рассмотрение социально-психологического уровня причин преступности предполагает изучение малых социальных групп, где происходит формирование личности преступника. Существует много малых социальных групп, таких как семья, учебный коллектив, производственный коллектив, группы по интересам в сфере досуга. Следует отметить, что «переход российского общества к рыночной модели жизнедеятельности существенно снизил антикриминогенный потенциал основных институтов социализации личности (прежде всего семьи, учебных заведений, общественной и производственной сферы)» [4].

Как представляется, среди вышеперечисленных малых социальных групп наибольшим криминогенным потенциалом обладает служебно-профессиональная среда. Это обусловлено рядом обстоятельств. Период жизнедеятельности человека в трудовом коллективе занимает продолжительный период. В трудовом коллективе осуществляется вторичная после семьи социализация личности, происходит вторичное воспитание и формирование морально-нравственных качеств человека.

Влияние трудового коллектива на личность человека может быть как положительным, так и отрицательным. Отрицательное воздействие трудового коллектива на личность человека называется десоциализацией, оно может выражаться либо в целенаправленном отрицательном влиянии трудового коллектива на личность с целью формирования у нее антиобщественных свойств и негативных стандартов поведения, либо в форме бесконтрольности со стороны трудового коллектива.

Таким образом, к факторам формирования негативных нравственно-психологических особенностей личности наркопреступника относятся:

- плохая организация труда;
- бесхозяйственность и безответственность;
- низкий уровень дисциплины;
- круговая порука;
- преступная корпоративная культура;
- нарушения трудового законодательства;
- ориентация ближайшего окружения на антиобщественные модели поведения и вседозволенность;
- отсутствие контроля над лицами с признаками психологической деформации личности;
- игнорирование задачи позитивного воздействия на лиц, находящихся в неблагополучной жизненной ситуации;
- безнаказанность нарушителей дисциплины;
- отсутствие профилактики нарушений трудовой дисциплины.

Отрицательное влияние трудового коллектива может проявляться в непосредственной и целенаправленной передаче опыта по производству, сбыту или пересылке наркотиков. Преступнику только остается использовать свое служебное положение для облегчения совершения этих преступлений. Анализ ответов на вопрос: «Где Вам удастся доставать наркотики?», по итогам мониторинга наркоситуации в Красноярском крае в 2018 г., показал, что 6% респондентов в качестве места приобретения наркотиков указали аптеки [5], что свидетельствует о возможности работников аптечных сетей заниматься совершением незаконных производства, сбыта или пересылки психоактивных веществ с использованием своего служебного положения.

Таким образом, социально-психологическими причинами совершения лицом незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков с использованием своего служебного положения могут являться бесконтрольность со стороны трудового коллектива, а также непосредственное негативное или преступное воздействие трудового коллектива на личность.

Рассматривая причины преступности на личностном уровне, необходимо говорить, во-первых, о воздействии конкретной жизненной ситуации на личность преступника и, во-вторых, о мотивах преступного поведения преступника в конкретной жизненной ситуации.

Взаимосвязь негативных свойств личности преступника, мотивов его преступного поведения и конкретной жизненной ситуации создает условия для совершения преступления и образует механизм индивидуального преступного поведения, которое имеет определенную специфику в служебно-профессиональной среде. По мнению В.Н. Кудрявцева, звеньями механизма индивидуального преступного поведения являются: мотивация, планирование и исполнение [3].

Необходимо отметить, что незаконные производство, сбыт или пересылка наркотиков, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, совершаются по вышеуказанной модели механизма индивидуального преступного поведения, так как эти преступления совершаются умышленно.

Мотив – это некий стимул, побуждающий преступника совершить преступление. Иными словами, мотив формирует решение лица совершить преступление, которое зачастую обусловлено дефектами служебно-профессиональной среды.

Если говорить о мотивах совершения лицом незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков, совершенных лицом с использованием своего служебного положения, то следует отметить, что преступник, совершая эти преступления, ставит перед собой чаще всего корыстные цели, получение незаконного дохода и, как следствие, улучшение качества своей жизни, повышение благосостояния. Как следует из материалов судебной практики, в более чем 50 приговорах судов РФ, вынесенных в отношении обвиняемых по ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, имеется следующая формулировка: «действуя умышленно, из корыстных побуждений, с целью извлечения материальной выгоды», что обусловлено наличием в служебно-профессиональной среде преступной корпоративной культуры и ориентации на антиобщественные модели поведения и вседозволенность.

Преступник, осуществляя незаконные производство, сбыт или пересылку наркотиков, может преследовать цель разрушить здоровье окружающих в результате потребления ими наркотических средств. Однако, как показывает судебная практика, в подавляющем большинстве незаконные производ-

ство, сбыт или пересылку наркотиков лица совершают с целью извлечения материальной выгоды.

Таким образом, жизненная ситуация, обусловленная наличием у наркопреступника определенного служебного положения и имеющимся в обществе спросом на наркотики и гедонистическим подходом к жизни у определенной части граждан, выступает в качестве условия, при котором проявляются негативные качества наркопреступника – корысть, алчность, обогащение любой ценой, безразличное отношение к здоровью населения. Индивидуальное преступное поведение наркопреступника по незаконным производству, сбыту или пересылке наркотиков с использованием лицом своего служебного положения становится результатом воздействия определенной жизненной служебно-профессиональной ситуации на негативные свойства личности наркопреступника.

Подводя итог, необходимо отметить, что совершение лицом незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков с использованием своего служебного положения обусловлено целым комплексом причин и условий. Эти детерминанты могут быть различного уровня и содержания – от макропроцессов, происходящих в обществе, до влияния на человека микросреды, от экономических, духовных, социальных или политических факторов до личных мотивов поведения человека в конкретной жизненной ситуации. Однако каждый конкретный случай совершения преступления служащим необходимо рассматривать отдельно, так как человек индивидуален, и поэтому конкретные причины преступного поведения могут быть разнообразными в различных жизненных ситуациях, включая служебно-профессиональные.

Библиографический список

1. Криминология. Общая часть : учебное пособие / А.Л. Репецкая, В.Я. Рыбальская. – Иркутск : ИГЭА, 1999.
2. Криминология. Общая часть : учебное пособие / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. – Красноярск : Красноярская высшая школа МВД России, 1997.
3. Кудрявцев, В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. – М. : Инфа-М, 1998.
4. Мальков, С.М. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации : монография / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018.

5. Наркоситуация в Красноярском крае в 2018 году : отчет о научно-исследовательской работе / В.Е. Шинкевич [и др.]. - Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019.

6. Сильченко, Е.В. О необходимости законодательного закрепления понятия «нелегальный наркобизнес» / Е.В. Сильченко, А.Ю. Кольвах // Наука сегодня: глобальные вызовы и механизмы развития : материалы международной научно-практической конференции : в 2 ч. - М. : Научный центр «Диспут», 2017. - Ч. 2.

7. Состояние и перспективы обеспечения наркобезопасности социума: по результатам мониторинговых исследований в Красноярском крае : отчет о научно-исследовательской работе / В.Е. Шинкевич [и др.]. - Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019.

8. Тепляшин, П.В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции / П.В. Тепляшин // Lex Russica. - 2017. - № 10.

9. Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств / А.В. Шеслер, В.В. Жалыбин. - Тюмень : ООО «РГ «Перспектив», 2006.

УДК 343.57

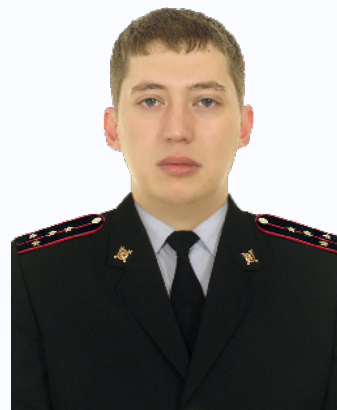
СТАНОВЛЕНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАПРЕТА НА ХИЩЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ИЛИ ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

EVOLUTION OF A PENAL PROHIBITION ON THEFT OF NARCOTIC DRUGS OR PSYCHOTROPIC SUBSTANCES IN DOMESTIC LAW

Шеслер Виктор Александрович,
*адъюнкт Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)*

victor444@inbox.ru

Ключевые слова:

становление, уголовная ответственность, хищение, наркотические средства, психотропные вещества.

В статье на основе анализа положений УК РСФСР и УК РФ рассмотрены тенденции становления уголовного запрета на хищение наркотических средств или психотропных веществ. Обращено внимание на то, что законодатель не всегда рассматривал эти преступления как посягающие на здоровье населения. До издания в 1974 г. специальной нормы, устанавливающей уголовную ответственность за хищение наркотических средств или психотропных веществ, такие деяния квалифицировались как хищения личной или социалистической собственности. За период существования этой нормы изменялась наказуемость хищений наркотиков, исходя из количественных характеристик предмета хищения, способа хищения, свойств специального субъекта.

Keywords:

evolution, criminal liability, theft, narcotic drugs, psychotropic substances.

Based on an analysis of the provisions of the Criminal Code of the RSFSR and the Criminal Code of the Russian Federation, the article considers the trends in the evolution of a penal prohibition on theft of narcotic drugs or psychotropic substances. The author draws attention to the fact that the legislator did not always consider these crimes as encroaching on the health of the population. Prior to the publication in 1974 of a special rule criminalizing theft of narcotic drugs or psychotropic substances, such acts were qualified as theft of personal or socialist property. During the existence of this norm, the punishability of drug thefts has changed based on the quantitative characteristics of the subject of theft, the method of theft, and the characteristics of special subject.

Уголовная ответственность за хищение наркотических веществ впервые введена в УК РСФСР Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июля 1974 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РСФСР». В практике применения уголовного закона до введения указанной статьи хищения наркотиков рассматривались как хищения личной или социалистической собственности [3, с. 71; 5, с. 14].

Этот подход к квалификации хищений наркотиков свидетельствовал о недостаточности уголовно-правовой охраны здоровья населения, так как не учитывалась общественная опасность хищения для здоровья населения. Квалификации хищений наркотиков как хищений социалистической или личной собственности позволяли дать оценку только посягательствам на имущественные отношения. Особенно очевидно это было в тех случаях, когда уголовные дела по факту хищения наркотических средств не возбуждались, а возбужденные уголовные дела прекращались за малозначительностью деяния в связи с незначительной их стоимостью [3, с. 72; 6, с. 14]. Такой подход к квалификации хищений наркотиков вступал в противоречие с действовавшей в СССР моделью силового воздействия на незаконный оборот наркотиков [9, с. 68].

Кроме того, возникали проблемы при квалификации хищений наркотических веществ, которые имели незаконный источник происхождения, так как эти хищения не посягали на отношения по охране социалистической или личной собственности граждан. Данные хищения рассматривались как разновидность незаконного приобретения наркотических веществ и квалифицировались по ст. 224 УК РСФСР [2, с. 22]. Это не позволяло корректно оценивать общественную опасность хищений, совершенных открытым способом и хищений, сопряженных с угрозой применения насилия, не опасного для жиз-

ни и здоровья, так как такие способы незаконного приобретения наркотиков в ст. 224 УК РСФСР не указывались, а угроза применения насилия, не опасного для жизни или здоровья (причинения телесных повреждений, не являющихся тяжкими), наказуемой не являлась.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что установление уголовной ответственности за хищение наркотических веществ устранило недостатки в охране здоровья населения и явилось необходимым средством в системе уголовно-правовой борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Редакция ст. 224.1 УК РСФСР от 15 июля 1974 г., устанавливающая ответственность за хищение наркотических веществ, состояла из трех частей.

Формы совершения хищений наркотических веществ в виде кражи, мошенничества, присвоения или растраты, грабежа в ст. 224.1 УК РСФСР не выделялись. В ч. 1 ст. 224.1 УК РСФСР предусматривалась наказуемость хищения наркотических веществ, совершенного любым способом и в любом размере. В ч. 2 ст. 224.1 УК РСФСР законодатель усиливал уголовную ответственность лиц, совершивших хищения, исходя из специальных свойств субъекта. К таким субъектам относились лицо, совершившее хищение повторно, лицо, которому указанные вещества были вверены в связи с его служебным положением или под охрану, лицо, ранее совершившее одно из преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 224, ст. 224.2, 225 и 226.1 УК РСФСР.

Часть 3 ст. 224.1 УК РСФСР устанавливала ответственность за хищение наркотических веществ, совершенное особо опасным рецидивистом или путем разбойного нападения, а равно в крупных размерах. Причем понятие крупного размера ни в УК РСФСР, ни в других нормативных правовых актах не давалось, это понятие было оценочным. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 26 сентября 1975 г. № 7 «О судебной практике по делам о хищении наркотических веществ, незаконном изготовлении и распространении наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ» указал, что при решении вопроса о том, совершены ли хищение, сбыт, незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка или пересылка с целью сбыта наркотических веществ в крупном размере, судам следует исходить не только из их количества (объема, веса и т.д.), но и свойств различных видов наркотических веществ по степени их воздействия на организм человека. Такая трактовка ставила правоприменителя в трудное положение, так как четких критериев решения данной проблемы не предлагалось. Эта проблема существовала до разработки в 1997 г. Постоянным комитетом по контролю наркотиков сводной таблицы отнесения к небольшим, крупным и особо крупным размерам количеств наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, обнаруженных в незаконном хранении или обороте.

Следует обратить внимание на то, что уголовная ответственность за совершение преступления, предусмотренного ст. 224.1 УК РСФСР, наступала с 14 лет (ст. 10 УК РСФСР) ввиду высокой общественной опасности деяния, в том числе за хищения, совершенные путем обмана (в форме мошенничества). Это дополнительно указывало на то, что законодатель ужесточил наказание за хищение наркотиков, так как ранее хищение наркотиков законодателем рассматривалось как хищение имущества и за его совершение в форме мошенничества ответственность наступала с 16 лет.

Несмотря на то, что в статьях УК РСФСР предусматривалась уголовная ответственность за незаконные действия с наркотическими веществами, предмет этих преступлений понимался шире. В пункте 2 приказа Минздрава СССР от 11 января 1978 г. № 30 «Об издании списка наркотических веществ, вызывающих наркоманию» к таковым относились также и наркотические лекарственные средства, и препараты, которые в промежутке между изданиями официального списка соответствующими приказами министра здравоохранения СССР отнесены к наркотическим.

Кроме того, Пленум Верховного Суда СССР в указанном постановлении обратил внимание на то, что предметом такого хищения могут являться и наркотические вещества, не имеющие государственной цены. К таким наркотическим веществам относились вещества, попавшие в незаконный оборот в результате из незаконного (кустарного) изготовления.

После Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 июня 1987 г. № 6462-XI «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях и другие законодательные акты» вместо термина «наркотические вещества» стал использоваться термин «наркотические средства».

Различные вопросы уголовной ответственности за хищение наркотических средств рассматривались в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 24 декабря 1987 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, сильнодействующими и ядовитыми веществами». В этом постановлении высший судебный орган обратил внимание на распространение хищений наркотических препаратов из аптек, складов, медицинских учреждений. В 1987 г. были зарегистрированы 832 таких факта [5, с. 101].

Характерной особенностью рассматриваемого постановления явилось то, что в нем давались разъяснения по поводу квалификации действий виновных, связанных со сбором наркотикосодержащих растений на полях и земельных участках. В соответствии с этим постановлением ответственность за хищение наркотических средств наступала в случаях незаконного их изъятия из государственных или общественных организаций и учреждений, незаконного сбора наркотикосодержащих растений либо частей таких растений (коробочки и

стебли мака, стебли конопли и т.п.) с охраняемых полей колхозов и совхозов, а также незаконного изъятия наркотических средств у граждан, владевших ими правомерно либо незаконно.

Такая рекомендация внесла определенную ясность в отграничение хищения наркотиков от их незаконного приобретения, однако оказалась не совсем полной и была исправлена в дальнейшем. В постановлении от 27 апреля 1993 г. № 2 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (в редакции от 21 декабря 1993 г.) Пленум Верховного Суда РФ конкретизировал эту рекомендацию, указав, что не может рассматриваться как хищение сбор наркотикосодержащих растений на полях сельскохозяйственных предприятий и земельных участках граждан, которые их не сеяли и не выращивали.

Редакция ст. 224.1 УК РСФСР практически сохранилась до конца действия УК РСФСР (до 30 сентября 1996 г.). Изменения в ст. 224.1 УК РСФСР вносились два раза. Как было указано выше, в 1987 г. термин наркотические средства заменен на «психотропные вещества». Федеральным законом от 1 июля 1994 г. № 10 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» в ч. 3 ст. 224.1 УК РСФСР было введено новое квалифицирующее отягчающее обстоятельство – хищение наркотических средств организованной группой. Можно сделать вывод, что стабильность существования уголовно-правового запрета на хищение наркотиков в период действия УК РСФСР указывала на соответствие данной нормы потребности государства в уголовно-правовой охране здоровья населения от таких посягательств.

В УК РФ (введен в действие Федеральным законом от 13 июня 1996 г. № 63), пришедшем на смену УК РСФСР, нормой ст. 229 УК РФ установлена уголовная ответственность за преступления, связанные не только с хищением наркотических средств, но и психотропных веществ. Статья 229 УК РФ состояла из трех частей. В ч. 1 ст. 229 УК РФ предусматривалось наказание за хищение наркотиков в любой форме. Частью 2 ст. 229 устанавливалась уголовная ответственность за хищение наркотиков, совершенное группой лиц по предварительному сговору, неоднократно, лицом с использованием своего служебного положения, с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Особо квалифицированными хищениями в ч. 3 ст. 229 УК РФ признавались хищения, совершенные организованной группой, неоднократно, с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Данную норму законодатель разметил в главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ из ст. 229 УК РФ были исключены квалифицирующие такие отягчающие обстоятельства, предусматривающие специальный субъект, как неоднократность и хищение наркотиков лицом, два или более раза судимым за хищение либо вымогательство. Исключение этих признаков коснулось не только хищения наркотиков, но и всех преступлений, предусмотренных УК РФ.

В редакции УК РФ от 11 мая 2004 г. в ст. 228 УК РФ добавлено примечание 2, в котором указывалось, что крупным размером признается количество наркотического средства, психотропного вещества или их аналога, превышающее размеры средней разовой дозы потребления в десять и более раз, а особо крупным размером – в пятьдесят и более раз. Критерии такого размера определял Постоянный комитет по контролю наркотиков при Министерстве здравоохранения РФ. Учеными и практиками неоднократно высказывались претензии и к статусу данного органа (не являвшемуся государственным органом исполнительной власти), и к юридической силе издаваемых им актов (носящих рекомендательный характер), и к рекомендациям по существу размера (который, по мнению некоторых авторов, противоречил здравому смыслу) [8, с. 126].

Однако новую попытку законодателя разрешить указанный вопрос в постановлении Правительства РФ от 6 мая 2004 г. № 231 «Об утверждении размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации» нельзя признать удачной, так как были сильно снижены размеры разовых доз. Например, для героина крупным размером стал считаться 1 грамм, а это 10 средних разовых доз [7, с. 19].

С принятием постановления Правительства РФ от 7 февраля 2006 г. № 76 «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 УК РФ» вышеуказанное постановление признано утратившим силу. Законодатель перестал использовать понятие разовых доз и стал использовать размеры наркотических средств. Это связано в первую очередь с тем, что для каждого лица размер средней разовой дозы был свой и при систематическом употреблении наркотиков «средняя разовая доза» потребителя наркотиков могла в течение 2-3-х месяцев вырасти с 1 грамма до 5 грамм [1, с. 133, с. 138].

В редакции УК РФ от 4 октября 2010 г. законодатель расширил предмет преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, отнеся к нему растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества. Это было

обусловлено тем, что законодатель стал разграничивать наркотические средства и психотропные вещества и растения, содержащие эти средства или вещества либо их части. Перечень этих растений утвержден постановлением Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. № 934 «Об утверждении перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации».

В редакции УК РФ от 1 марта 2012 г. в ч. 4 ст. 229 УК РФ предусмотрено новое квалифицирующее отягчающее обстоятельство – хищение наркотиков в особо крупном размере. Более изменения в данную статью не вносились.

Подводя итоги, отметим, что за время существования уголовно-правового запрета хищения наркотических средств выявлены следующие тенденции его развития.

Во-первых, до 1974 г. законодатель рассматривал это преступление как хищение личной или социалистической собственности. Во-вторых, расширен предмет преступления путем включения в него помимо наркотических средств психотропных веществ, а также растений либо их частей, содержащих наркотики. В-третьих, отказ законодателя от указания конкретных форм хищения наркотиков, выделение вместо этого хищений с насилием и без насилия. В-четвертых, изменение наказуемости хищений наркотиков (уменьшение возраста уголовной ответственности за хищение наркотиков путем обмана до 14 лет). В-пятых, изменение наказуемости хищения наркотиков, исходя из количественных характеристик предмета хищения (разовых доз, размеров), способа хищения (характера применяемого насилия, совершения хищения по предварительному сговору группой лиц), свойств специального субъекта (совершение его лицом повторно, с использованием служебного положения, лицом, которому наркотики вверены под охрану, особо опасным рецидивистом, лицом, ранее совершившим одно из наркопреступлений, указанных в законе).

Библиографический список

1. Кулешова, А.Н. Уголовно-правовая эволюция понятия «размер наркотического средства» / А.Н. Кулешова // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2013. – № 16.
2. Курс советского уголовного права. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1981 г. – Т. 5.
3. Мирошниченко, Н.А. Уголовно-правовая борьба с наркоманией / Н.А. Мирошниченко, А.А. Музыка. – Одесса : Выща шк., 1988. С. 71.

4. Панова, Е.В. Предмет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Панова. – М., 2005.
5. Преступность и правонарушения. Статистический сборник, 1991 – М. : Финансы и статистика, 1992.
6. Радченко, Т.В. Уголовная ответственность за хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т.В. Радченко. – М., 2005.
7. Ткаченко, В.В. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотиков : монография / В.В. Ткаченко, С.В. Ткаченко. – Барнаул : Сизиф, 2011.
8. Федорюк, С.В. Проблемы уголовно-правовой регламентации ответственности за незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ : дис. ... канд. юрид. наук : 120008 / С.Ю. Федорюк. – Ставрополь, 2004.
9. Шеслер, А.В. Антинаркотическая политика Российской Федерации / А.В. Шеслер, С.С. Шеслер // Вестник Владимирского юридического института. – 2011. – № 4(21).

УДК 348.101092

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

GENERAL THEORETICAL BASIS FOR THE PREVENTION OF CRIMES COMMITTED BY LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Абдрашев Руслан Муратханович,

*профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
и правоохранительной деятельности Евразийской
юридической академии имени Д. Кунаева
(г. Алматы),
доктор юридических наук*

rusabdr@mail.ru

Рахимова Гакку Нурлановна,

*старший преподаватель Казахского национального
педагогического университета имени Абая
(г. Алматы),
магистр юридических наук*

Мадыхан Сауле Мадыхановна,

*старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин
и правоохранительной деятельности
Евразийской юридической академии
имени Д. Кунаева (г. Алматы),
доктор юридических наук*

Ключевые слова:

профилактика преступлений, криминалистическая профилактика преступлений, оперативно-розыскная профилактика преступлений, следственная профилактика преступлений.

Статья посвящена общетеоретическим вопросам профилактики преступлений. На основании анализа криминологической, оперативно-розыскной и криминалистической литературы авторами проведен сравнительный анализ оперативно-розыскной и криминалистической профилактики преступлений, выработано определение и определен объект криминалистической профилактики преступлений.

Keywords:

crime prevention, forensic crime prevention, operational-search crime prevention, investigative crime prevention.

The article is devoted to general theoretical issues of crime prevention. Based on the analysis of criminological, operational-search and forensic literature, the authors conducted a comparative analysis of the operational-search prevention and forensic crime prevention. Forensic crime prevention and its object are defined.

На сегодняшний день профилактика преступлений и других правонарушений «...является одной из важнейших задач любой правоохранительной системы. Это самое гуманное средство поддержания правопорядка, обеспечения безопасности граждан. Профилактическая деятельность обеспечивает наряду с защитой общества от преступных посягательств защиту неустойчивых членов общества от дальнейшего нравственного падения, не дает им стать преступниками и тем самым избавляет от необходимости уголовного или иного наказания» [15].

Задачей профилактики преступлений, совершаемых сотрудниками органа внутренних дел, является снижение количественных показателей рассматриваемых преступлений, повышение личной безопасности граждан, а также защита их законных прав и интересов. Профилактика преступлений в системе органов внутренних дел предполагает проведение целого комплекса мероприятий, направленных на устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений, выявление преступников, а также пресечение криминального поведения со стороны сотрудников. При этом профилактическую деятельность нельзя рассматривать обособленно от экономических и политических основ казахстанского общества. Профилактика преступлений осуществляется правовыми методами различными субъектами, в том числе государственными органами. Еще великие просветители XVIII в. сформулировали положения о том, что хороший законодатель должен заботиться не столько о наказании за преступления, сколько о том, чтобы их предупредить, и прежде всего путем улучшения нравов (Монтескье, Беккария); о том, что предупреждение преступления должно быть истинным содержанием юстиции цивилизованного общества (Вольтер). Справедливость этих положений подтвердили и последующие поколения тео-

ретиков и практиков борьбы с преступностью. Об этом упоминал также Карл Маркс, говоря, что мудрый законодатель предупредит преступление, нежели будет вынужден наказывать за него. По их мнению, право могло бы стать мощным средством разрешения возникающих в обществе конфликтов. Была выдвинута идея создания правового государства, одной из важнейших задач которого являлось предупреждение преступлений [14].

На современном этапе юридические науки обладают большим терминологическим аппаратом. Нельзя не обратить внимание на употребление различных терминов в криминологии, оперативно-розыскной деятельности, уголовного и уголовно-процессуального права, которые не согласуются с криминалистической теорией. В литературе наряду с термином «предупреждение» используются и такие, как «предотвращение», «профилактика», «превенция» [1].

По мнению И.А. Бурмистрова, термины «профилактика», «предупреждение», «пресечение», «предотвращение», «превенция» близки по смысловому значению и применяются как синонимы. При этом предупредительная деятельность в органах внутренних дел в целом ничем не отличается от общепринятой системы профилактической деятельности и строится на принципах демократизма, гуманности, законности, неотвратимости наказания, научной обоснованности, комплексного подхода и дифференциации [5]. Аналогичной точки зрения придерживался В.К. Звирбуль, который отмечал, что по смысловому значению термины «предупреждение», «предотвращение», «профилактика» близки между собой, в документах и нормативных актах они обычно применяются как взаимозаменяемые. Поэтому разграничение, обозначение различных уровней, направлений, видов и предупреждения преступности и конкретных преступлений целесообразно давать по их содержанию и детализированно, а не просто распределяя между ними перечисленные термины [16].

А.Г. Лекарь рассматривает профилактику, предупреждение и пресечение как составные части предотвращения преступлений. Он считает, что в нем необходимо различать следующие части:

– профилактика преступлений – деятельность государственных органов (в том числе и органов внутренних дел) и общественных организаций трудящихся по выявлению и устранению причин, порождающих преступления, и условий, способствующих их совершению;

– предупреждение преступлений – установление лиц, обнаруживающих намерение совершить преступление, и принятие к ним мер (преимущественно воспитательных) с целью не допустить реализации этих намерений в преступные действия;

– пресечение преступлений – выявление лиц, подготавливающих совершение преступлений, и принятие к ним мер (главным образом оперативно-розыскных)

в целях недопущения перерастания приговорительных действий в покушение, а покушения – в оконченное преступление [17].

Другие авторы, например Б. Калаганов, считают правильными распространенные положения о том, что понятия «профилактика» и «предупреждение» являются тождественными [10].

Поскольку разногласия в понятийно-терминологическом аппарате негативно сказываются на правоприменительной деятельности, необходимо четко разобраться в этом вопросе. В юридической литературе содержатся различные дефиниции как криминологического, так и криминалистического предупреждения преступлений.

По мнению В.В. Жалыбина, под криминологическим предупреждением преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, следует понимать «деятельность государства и общества, осуществляемую через меры принуждения, воспитания, оказания помощи лицам, подвергающимся профилактическому воздействию, с целью устранения детерминант преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств» [7].

А.А. Баранов отмечает, что предупреждение (в широком смысле) – это криминологическая категория, обозначающая исторически сложившуюся систему объективных и субъективных предпосылок, реализующихся путем целенаправленной деятельности всех институтов общества, направленная на устранение, минимизацию и нейтрализацию факторов, детерминирующих существование преступности и совершение преступлений [2].

Чтобы определиться в этом вопросе, обратимся к толковому словарю русского языка, который определяет содержание рассматриваемых нами терминов следующим образом:

– предупредить – а) заранее принятыми мерами помешать чему-либо осуществиться, наступить; предотвратить; б) сделать что-либо ранее кого-либо, предугадав чьи-либо действия, желания, опередить;

– профилактика – совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка;

– предотвратить – заблаговременно устранить то, что угрожает, может помешать осуществиться чему-либо; предупредить.

– превенция (от лат. *praeventio*) – совокупность мероприятий, направленных на устранение причин для совершения преступлений [4].

Таким образом, профилактика преступлений, исходя из этимологии изучаемого слова, является более широким понятием, нежели остальные термины. Поэтому правильнее говорить о криминалистической профилактике преступлений.

В юридической литературе под профилактикой преступлений понимается особый вид социального управления, призванный обеспечить безопасность ох-

раняемых правом ценностей и заключающийся в разработке и осуществлении системы целенаправленных мер по выявлению и устранению причин преступлений, условий, способствующих их совершению, а также оказанию предупредительного воздействия на лиц, склонных к противоправному поведению [21].

Профилактика преступлений относится к динамичным системам. Для того чтобы достигать своей цели, она должна быть гибкой и постоянно совершенствоваться в зависимости от уровня структуры, динамики и других характеристик преступности. На нее активно воздействуют происходящие в обществе процессы, особенно состояние экономических и политических отношений, рост или снижение конфликтности, степень социальной напряженности, расширение либо свертывание демократизации и так далее [13].

В юридической литературе нет единства взглядов на понятие и содержание криминалистической профилактики.

Так, Ф.А. Лопушанский определил следственную профилактику как специальную деятельность органов предварительного следствия, имеющую следующие направления:

- а) предупреждение подготавливаемых и быстрое пресечение совершаемых преступлений;
- б) полное выявление в процессе расследования причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также принятие мер по их устранению;
- в) проведение других общепрофилактических мероприятий, противостоящих причинам преступности, стимулирующих законопослушное поведение и оказывающих корректирующее воздействие на личность и ситуацию [18].

Н.В. Жогин полагает, что профилактическая деятельность следственного аппарата включает меры по предотвращению и пресечению преступлений, а также деятельность по выявлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления в связи с проведением предварительного расследования [8].

По мнению Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкиной, Ю.Г. Корухова, Е.Р. Россинской, следственная профилактика включает в себя следующие меры:

- а) выявление причин и условий совершения преступлений;
- б) обнаружение и раскрытие совершенных преступлений, что приведет не только к пресечению преступной деятельности определенных лиц, но и к неотвратимости наказания;
- в) устранение выявленных причин и условий, способствовавших преступлениям конкретного вида (рода) или совершенных определенным способом, при определенных обстоятельствах и тому подобное;
- г) меры воспитывающего и предостерегающего характера;
- д) общепрофилактические меры, в том числе использование возможностей

средств массовой информации, трудовых коллективов, родовых и национальных традиций и другое [12].

По мнению Н.П. Яблокова, криминалистическая профилактическая деятельность предполагает:

а) выявление причин и способствующих преступлению условий, объектов криминалистическо-профилактического воздействия;

б) применение профилактических мер, затрудняющих совершение новых преступлений;

в) пресечение или прерывание преступной деятельности конкретных лиц [11].

И.И. Иванов полагает, что «криминалистическая превенция (профилактика) преступлений, как одна из самостоятельных частных теорий, представляет собой систему научных положений и практических рекомендаций о закономерностях разработки и использования в уголовном судопроизводстве технических средств, тактических и методических приемов для предотвращения замышляемых и подготавливаемых преступлений, своевременного обнаружения, быстрого, полного раскрытия и качественного расследования совершенных преступлений, пресечения конкретной преступной деятельности и ликвидации ее опасных последствий, выявления и устранения в процессе расследования обстоятельств, способствовавших совершению и сокрытию преступлений, преодоления любых форм противодействия расследованию» [9].

В качестве недостатка данного определения можно выделить использование понятие «уголовное судопроизводство». На наш взгляд, предпочтительнее использовать понятие «уголовный процесс», поскольку профилактика преступлений может иметь место не только на судебных стадиях, но и на стадии предварительного расследования. Мы считаем, что основным средством криминалистической профилактики, обеспечивающим неотвратимость наказания, является проведение предварительного расследования по уголовному делу.

Таким образом, криминалистическую профилактику преступлений можно определить как процессуальную и не процессуальную деятельность органов, осуществляющих уголовный процесс, по предотвращению и пресечению преступлений со стороны потенциальных правонарушителей, выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, раскрытию и расследованию преступлений.

В отличие от иных видов профилактики преступлений субъектами криминалистической профилактики преступлений являются следователь (дознаватель) и эксперт. При этом необходимо учитывать, что оперативные работники не являются субъектами криминалистической профилактики преступлений, которая отличается от оперативно-розыскной профилактики.

Оперативно-розыскная профилактика есть система целенаправленных оперативно-розыскных и иных предусмотренных законом мер, проводимых в от-

ношении лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений, в целях осуществления над ними оперативного контроля, оказания профилактического воздействия, предупреждения замышляемых и подготавливаемых преступлений [6].

Оперативно-розыскное предупреждение – задача оперативно-розыскной деятельности, разрешаемая посредством оперативно-розыскных мероприятий и иных действий и обеспечивающая:

а) сбор информации о криминально опасных лицах и фактов, которые необходимо изучать для предупреждения противоправных проявлений (инициативная разведка);

б) наблюдение в целях сбора данных о лицах, представляющих оперативный интерес, для своевременного распознавания их преступных замыслов или противоправной деятельности (профилактическая разведка);

в) реализация добытой информации для сдерживания объектов оперативно-розыскной деятельности от реализации преступных намерений или подготовительных действий к преступлению, для переориентации лиц, потенциально склонных к криминальной активности, для разобщения или нейтрализации преступных сообществ, для устранения обстоятельств, способствующих совершению преступлений [3].

Оперативно-розыскная профилактика предполагает сбор информации о криминально активных лицах (например, о членах организованных преступных формирований, ранее судимых, наркоманах, алкоголиках, бытовых дебоширах, членах групп с антиобщественной направленностью и прочих), о степени их исправления, связях, преступном опыте, намерениях, особенностях личности и социальных отношениях. Совокупность сведений, которые дают основания для неблагоприятного прогноза (вывод о вероятности преступного поведения) сразу указывает на необходимость установления оперативного наблюдения за теми, кто сохранил криминальную активность [19].

По мнению С.С. Овчинского, оперативно-розыскная профилактика имеет некоторые особенности:

а) ведение оперативно-профилактического наблюдения за лицами, состоящими на профилактическом учете в связи с высокой степенью вероятности преступного поведения;

б) обеспечение успеха индивидуальной профилактики благодаря оперативной осведомленности о лицах, которые могут встать на путь совершения преступлений, и об особенностях каждого лица, допустившего антиобщественное поведение или испытывавшего вредное влияние антиобщественных и преступных элементов;

в) фиксация местных криминально активных жителей, среди которых осуществляются оперативно-розыскные мероприятия по раскрытию преступлений;

г) негласная проверка на причастность к совершенным преступлениям лиц, находящихся под оперативным наблюдением и имеющих сходство с разыскиваемыми преступниками;

д) изучение отдельных категорий лиц, представляющих оперативный интерес, их связей, образа жизни, поведения и прошлого для получения оснований для применения мер профилактики или для заведения дел оперативного учета [20].

Кроме того, различны субъекты и способы криминалистической и оперативно-розыскной профилактики.

Анализ криминалистической литературы свидетельствует о наличии различных точек зрения относительно объекта криминалистической профилактики преступлений. Объект криминалистической профилактики преступлений тесно связан с объектом криминалистики. Традиционно в криминалистике выделяются два объекта: а) преступная (криминальная) деятельность; б) деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Объект науки криминалистики был конкретизирован И.А. Возгриным. Помимо преступной деятельности он отнес к объекту криминалистического исследования информацию, порождаемую преступлением и связанную с ним. Криминалистика изучает судебно-следственную практику для установления не только позитивного опыта обнаружения, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных, пресечения дящихся и предупреждения подготавливаемых преступлений, но и для анализа типичных ошибок, допускаемых при производстве по уголовным делам.

Мы разделяем точку зрения И.А. Возгрина, поскольку последовательность проведения следственных действий, планирование расследования, организация профилактической деятельности детерминированы объемом и достоверностью информации о преступлении, которыми обладает следователь.

Мы пришли к выводу, что криминалистическая профилактика преступлений представляет собой регламентированную законом деятельность должностных лиц правоохранительных органов, направленную на быстрое и полное раскрытие преступлений, выявление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, предотвращение и пресечение преступлений, разработку и совершенствование научно-технических средств.

Объектами криминалистической профилактики преступлений являются:

а) преступная деятельность, осуществляемая при подготовке к совершению преступления;

б) регламентированная законом деятельность следователя по профилактике преступлений в ходе раскрытия и расследования преступлений;

в) объем информации о преступлении (группе преступлений);

г) научно-технические средства, используемые для раскрытия и расследования преступлений.

Библиографический список

1. Агренико, В.Н. Предупреждение преступлений, совершаемых в системе страхования : дис. ... канд. юрид. наук / В.Н. Агренико. – М., 2003.
2. Баранов, А.А. Криминологический анализ и предупреждение экономических преступлений в сфере малого предпринимательства : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Баранов. – М., 1999.
3. Батаев, И.А. Оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение процесса расследования краж из квартир граждан : дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 1998.
4. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2000.
5. Бурмистров, И.А. Криминологическое изучение неформальных групп несовершеннолетних и предупреждение органами внутренних дел совершаемых ими преступлений : дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Бурмистров. – М., 1997.
6. Дмитриев, Д.О. Оперативно-розыскное предупреждение хищений автотранспортных средств : дис. ... канд. юрид. наук / Д.О. Дмитриев. – СПб, 2006.
7. Жалыбин, В.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Жалыбин. – Красноярск, 2004.
8. Жогин, Н.В. Роль следственного аппарата и прокурорского надзора в предупреждении преступлений // Советское государство и право. – 1965. – № 10.
9. Иванов, И.И. Криминалистическая профилактика преступлений (комплексное научно-практическое исследование) / И.И. Иванов. – СПб., 2004.
10. Калаганов, Б. Проблемы предупреждения бухгалтерской преступности : учебное пособие / Б. Калаганов. – Алматы : Арда, 2006.
11. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Н.П. Яблокова. – М., 1997.
12. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. – М., 2000.
13. Криминология : учебник / под ред. акад. В.Н. Кудрявцева, проф. В.Е. Эминова. – М. : Юристъ, 1997.
14. Криминология : учебник / под ред. акад. В.Н. Кудрявцева, проф. В.Е. Эминова. – М. : Юрист, 1995.
15. Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2002.
16. Криминология. – М. : Юрид.лит., 1979.
17. Лекарь, А.Г. Профилактика преступлений / А.Г. Лекарь. – М., Юрид. лит., 1972.
18. Лопушанский, Ф.А. Следственная профилактика преступлений: опыт, проблемы, решения / Ф.А. Лопушанский. – Киев, 1980.

19. Мягмарцэрэн, Д. Оперативно-розыскная профилактика преступлений подразделениями криминальной полиции Монголии : дис. ... канд. юрид. наук / Д. Мягмарцэрэн. – СПб, 2006.

20. Овчинский, С.С. Место оперативно-розыскной профилактики в оперативно-розыском процессе // Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова, А.Ю. Шумилова. – М., 2004.

21. Профилактика преступлений : учебник / под ред. Е.О. Алауханова, З.С. Зарипова. – Алматы : Нур-пресс, 2008.

УДК 343.11

СУДЕБНЫЙ ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ЖАЛОБ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 125 УПК РФ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ

JUDICIAL PROCEDURE FOR CONSIDERATION OF COMPLAINTS IN ACCORDANCE WITH ARTICLE 125 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A TYPE OF JUDICIAL CONTROL AT PRE-TRIAL STAGES

Кузнецова Екатерина Алексеевна,

*помощник судьи Советского районного суда
г. Красноярск*

kat9579@mail.ru

Ключевые слова:

обжалование действий (бездействия) должностных лиц, судебный контроль, досудебное производство, права и законные интересы личности.

Соблюдение прав и свобод человека является важнейшим направлением деятельности государства. В статье автором затрагиваются отдельные аспекты применения ст. 125 УПК РФ, делается акцент на рассмотрение проблемных вопросов правового регулирования порядка обжалования постановлений органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Keywords:

appeal against actions (inaction) of officials, judicial control, pre-trial proceedings, rights and legitimate interests of the individual.

Compliance with rights and freedoms is the most important activity of the state. The article deals with certain aspects of the application of Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. It emphasizes consideration of problematic issues of legal regulation of the procedure for appealing against resolutions of the body of inquiry, inquirer, investigator, head of the investigative body on refusal to initiate criminal proceedings or to terminate the criminal case, as well as other actions (inactions) and decisions of the inquirer, the chief of division of inquiry, the chief of body of inquiry, body of inquiry, investigator, head of the investigative body and the Prosecutor, who are capable of harming the constitutional rights and freedoms of participants in criminal proceedings or can make it harder for citizens to access justice.

В настоящее время законодательство, регулирующее производство в досудебных стадиях уголовного процесса, подвергается изменениям, а сами стадии являются наиболее объемными, но это оправданно, так как они создают предпосылки и условия для эффективного рассмотрения уголовного дела в суде.

Уголовный процесс как вид деятельности компетентных органов в первую очередь направлен на защиту прав и законных интересов граждан и организаций от преступных посягательств, а также лиц, незаконно осужденных или ограниченных в правах. Достижение этих целей в соответствии с такими принципами, как гуманность, законность, осуществление правосудия только судом и многими другими, возможно путем соблюдения той процедуры, которая установлена законодателем. Так, уголовный процесс состоит из множества различных стадий, внутри которых решаются отдельные задачи уголовного судопроизводства, направленные на достижение основных целей.

Судебный контроль представляет собой особый порядок осуществления правосудия, который реализуется в виде своеобразного контроля за исполнением норм уголовного права. Речь в данном случае идет об особой процессуальной деятельности суда, направленной на проверку соответствия акта должностного лица, вынесенных такими лицами решений нормам уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Закрепленное в ст. 46 Конституции РФ право на судебную защиту тесно связано с правом на справедливое судебное разбирательство, гарантированным ст. 6 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. Непосредственно в тексте уголовно-процессуального закона это права нашло закрепление в ст. 19 УПК РФ. В связи с этим представляет интерес анализ ука-

занных принципиальных положений применительно к процедуре рассмотрения жалоб судом в досудебном производстве.

Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывают, что число жалоб, подаваемых в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, с каждым годом растет, при этом процент удовлетворенных жалоб снижается (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

В настоящее время проблемным аспектам судебного контроля в уголовном судопроизводстве на досудебных стадиях (в том числе когда в ходе доследственной проверки возникает вопрос о принятии решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела) посвящено большое количество исследований [1, с. 20-26; 2, с. 7-10; 3, с. 15-20; 4, с. 20-24; 5, с. 19-23; 8; 9; 10; 12], но этот вопрос является достаточно сложным и требует дальнейшего изучения.

Закрепленные в Конституции РФ, УПК РФ права и свободы участников уголовного судопроизводства рискуют остаться формальными не только без эффективного механизма реализации данных прав, но и без обеспечения надежными уголовно-процессуальными гарантиями. Следует согласиться с мнением Д.А. Степаненко, что «содержание принципа права на обжалование составляет взаимосвязанная между собой система уголовно-процессуальных институтов и норм, призванная обеспечить эффективную реализацию конституционного права личности на восстановление и/или компенсацию нарушенных (или незаконно ограниченных) прав и законных интересов личности, оказавшейся в орбите уголовно-процессуальных правоотношений» [12, с. 33].

Судебный контроль распространяет свое действие на ограниченный круг следственных действий и процессуальных решений, которые затрагивают конституционные права граждан, обеспечивают судебную проверку жалоб и ходатайств, заявленных в ходе досудебного производства (ч. 2 ст. 29, ч. 1 ст. 125 УПК РФ).

Ссылаясь на собственные решения, Конституционный Суд РФ указал, что при рассмотрении жалоб по ст. 125 УПК РФ суд обязан проверить, учел ли орган предварительного расследования все обстоятельства, включая указанные в жалобе, которые могли существенно повлиять на его выводы, а также исследовал ли он данные обстоятельства в целом. Иное, в частности, исключало бы судебную оценку законности и обоснованности постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, ставило бы решение суда по этому вопросу в зависимость от позиции стороны обвинения.

Следовательно, полномочия органа судебной власти включают не только обязанность исследовать материалы, положенные в основу решения должностного лица об отказе в возбуждении уголовного дела, но и обратить внимание

соответствующего должностного лица на конкретные нарушения, которые им допущены и которые оно обязано устранить.

Можно отметить, что в условиях следования правопримирительными судами разъяснениям Конституционного Суда РФ будет повышен уровень защиты прав и законных интересов граждан, что также позволит преодолеть существующий уровень неэффективности проверки сообщения о преступлении и расследования вследствие ненадлежащих действий (бездействия) и решений соответствующих должностных лиц, в том числе из-за недостаточности принимаемых ими мер.

Действующий УПК РФ вступил в законную силу более 15 лет назад, и все это время суды в порядке ст. 123-127 УПК РФ осуществляют контроль за действиями или бездействием должностных лиц, на которых возложена функция по производству предварительного расследования.

Статьей 125 УПК РФ предусмотрена возможность подачи жалобы в порядке судебного контроля заявителем, его защитником, законным представителем или представителем. Судьей рассматривается жалоба с участием заявителя и его защитника, а также лиц, интересы которых затрагивает обжалуемое действие (бездействие) или решение.

В рассматриваемой норме подробно определен судебный порядок рассмотрения жалоб. Постановления дознавателя, следователя, прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные их решения и действия (бездействие), которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в суд по месту производства предварительного расследования.

Рассмотрение судом жалоб на действия, бездействие и решения органов предварительного расследования в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, называют одной из форм судебного контроля в отечественном уголовном процессе. В судебной практике возникают множество проблем и нарушений, связанных с неверным применением данной статьи судами первой инстанции.

Закрепление в ст. 18, 46, 52 Конституции РФ права граждан на судебную защиту обусловило необходимость принятия законодателем и судебными органами ряда конкретных шагов по обеспечению в уголовно-процессуальной деятельности, тесно связанной с мерами государственного принуждения, реального действия конституционных гарантий личности. В дальнейшем названная конституционная гарантия трансформировалась, в частности, в уголовно-процессуальный институт проверки судом жалоб на решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя и прокурора, получивший законодательное оформление в рамках ст. 125 УПК РФ.

В первую очередь судебный порядок рассмотрения жалоб в досудебном производстве призван обеспечить право граждан на доступ к правосудию, поскольку оно оказывается под угрозой серьезного ущемления и полного подавления. В связи с этим пострадавшие от произвола либо бездействия правоохранителей вправе требовать предоставления им возможности добиваться исправления допущенных органами предварительного расследования ошибок и обеспечения справедливой процедуры рассмотрения их жалоб судом.

Кроме того, защите в судебном порядке подлежат нарушенные в ходе досудебного производства конституционные права граждан, а также ситуации, в которых конституционное право участника уголовного судопроизводства находится под потенциальной угрозой.

Полагаем, что право на справедливую судебную процедуру, предусмотренное ст. 6 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод, должно быть реализовано, в том числе при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, в силу чего судебный порядок рассмотрения жалоб в досудебном производстве должен соответствовать требованиям состязательности процесса, обеспечивать равноправие сторон, право на публичное слушание, а также на мотивированность судебного решения.

Так как важная характеристика судебного контроля в порядке ст. 125 УПК РФ – оперативность, следует считать эту проблему исполнения регламентированных законом сроков для реализации этой нормы очень важной.

В практике встречаются ситуации, когда сроки рассмотрения жалоб существенно затянуты. Например, изучая судебную практику, мы обнаружили, что в один из районных судов г. Томска 24 июня 2016 г. поступила жалоба на решение прокурора, осуществляющего надзор за дознанием, в этот же день она была принята к производству судьей, судебное заседание назначено на 28 июня 2016 г. (на последние сутки истечения срока).

Однако далее движение дела характеризуется систематическим отложением судебных заседаний. С учетом апелляционного обжалования данного акта окончательное решение было вынесено только 8 декабря 2016 г. Таким образом, «оперативный» судебный контроль по одной жалобе продлился почти 4 месяца при рассмотрении в суде первой инстанции. По данным некоторых исследований, за пределами сроков рассматриваются 95% жалоб.

При этом с точки зрения законодательства лицо, рассмотрение жалобы которого длится настолько долго, не является защищенным. Единственная возможность повлиять на срок рассмотрение данного дела – обращение с заявлением об ускорении рассмотрения дела на имя председателя суда. Тем не менее некоторые суды рассматривают эту норму как применимую только к случаям рассмотрения уголовных дел в суде, а на жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ действие этой статьи не распространяется.

Но даже в ситуациях, когда председатели суда придерживаются иного мнения, адвокаты в интервью характеризуют данный механизм как малоэффективный. Существует практика оставления таких заявлений без ответов. Иногда в качестве ответов из судов приходят письма с указанием на большое количество дел, находящихся в производстве у судей.

У сложившейся ситуации, безусловно, есть свои причины. Одной из таковых является высокая загруженность судов. Для решения проблемы затягивания сроков при производстве по ст. 125 УПК РФ необходимо устранение этих факторов. В свою очередь, причиной затягивания сроков при рассмотрении жалоб является длительное исполнение или неисполнение запроса необходимых для рассмотрения жалобы материалов дела, несмотря на установление в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе в Российской Федерации» обязательности исполнения законных запросов и требований судов для всех без исключения органов государственной власти.

Проблема загруженности судов является организационной. Есть два пути решения: увеличение количества судей или передача контроля над предварительным расследованием по жалобам другому органу.

Подводя итог, стоит сделать вывод, что институт рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ вызывает много вопросов. Одной из причин, влекущих нарушения, допускаемые судами при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, является именно высокая загруженность этих судов. Вопрос загруженности судей должен решаться государством, несмотря на сложности, потому что это напрямую влияет на реализацию конституционных прав.

На описанную проблему обращает внимание и Верховный Суд Российской Федерации. Он предлагает увеличить сроки рассмотрения до 14 дней [7, с. 15-18].

В целом увеличение срока может сказаться положительно на их соблюдении, так как суд станет более свободным при выборе даты судебного заседания с учетом нагрузки.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ призвано обеспечить соблюдение конституционных прав и свобод человека на досудебных стадиях, однако для того, чтобы механизм реализации данных прав был наиболее эффективен, правовая регламентация требует определенных доработок.

Библиографический список

1. Безменова, Н.А. Изменение норм нагрузки судей и работников районных (городских) судов как условие повышения эффективности осуществления правосудия (на материалах Тюменской области) / Н.А. Безменова, А.Я. Китаев, А.Б. Храмцов // Администратор суда. – 2016. – № 2.
2. Виноградова, В.А. Новые правовые позиции Верховного Суда РФ по вопросам обжалования действий (бездействия) и решений должностных лиц органов, осуществляющих уголовное преследование / В.А. Виноградов // Российский следователь. – 2016. – № 18.
3. Волынский, В.В. Судебный контроль в стадии возбуждения уголовного дела (предмет, процессуальная форма) / В.В. Волынский // Российский следователь. – 2009. – № 11.
4. Воскобойник, И.О. Проблемы и перспективы судебного контроля при рассмотрении жалоб в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ / И.О. Воскобойник, О.Д. Кузнецова // Российский судья. – 2016. – № 8.
5. Галимов, О. Подсудность жалоб, поданных в порядке ст. 125 УПК РФ / О. Галимов, И. Дочия // Мировой судья. – 2009. – № 2.
6. Досудебное производство в уголовном процессе : научно-практическое пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – М. : Юнити-Дана, 2018. – 224 с.
7. Жданова, М.Е. Существенные нарушения, допускаемые судом первой инстанции при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, и вопросы отмены решения суда первой инстанции вышестоящим судом / М.Е. Жданова // Юридические науки. – 2019. – № 20.
8. Николюк, В.В. Судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела / В.В. Николюк, В.А. Волынский. – Орел, 2013.
9. Носкова, Е.В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Носкова. – Томск, 2011.
10. Петрухин, И.Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений / И.Л. Петрухин. – М., 2008.

11. Реализация потерпевшим права на доступ к правосудию, осуществляемому при рассмотрении судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ : учебно-практическое пособие / А.В. Гришин, Е.В. Марковичева, Е.А. Семенов [и др.]. – Орел : ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2018. – 116 с.

12. Скобликов, П.А. Обжалование в суд решений и действий (бездействия) правоохранительных органов и их должностных лиц / П.А. Скобликов. – М., 2011.

УДК 342.951

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОТОРЫЕ ПРЕДУСМОТРЕНА ЧАСТЯМИ 1, 2 СТАТЬИ 12.7 КОАП РФ

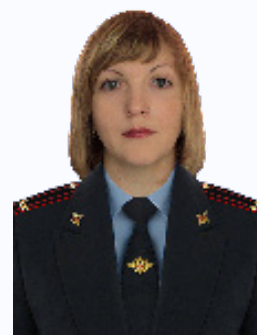

ABOUT SOME ACTUAL PROBLEMS, ARISING WHILE QUALIFYING THE OFFENCES, LIABILITY FOR WHICH IS GRANTED BY PART 1, 2 ARTICLE 12, 7 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Будникова Анастасия Борисовна,

старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск),

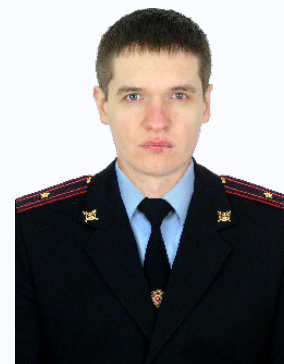
kr9082009866@gmail.com

Шелехов Сергей Игоревич,

преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск),

sshelekhov.s@mail.ru

Ключевые слова:

право управления, водительское удостоверение, правонарушитель, ответственность, состояние опьянения.

Привлечение лиц к административной и уголовной ответственности за нарушение норм в области обеспечения безопасности дорожного движения является необходимой мерой, направленной на повышение уровня безопасности участников общественных отношений, способствующей профилактике аварийности. В статье рассматриваются проблемные вопросы квалификации действий лиц по ч. 1, 2 ст. 12.7 КоАП РФ при наличии признаков преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ.

Keywords:

right to drive, driver's license, offender, responsibility, state of intoxication.

Bringing persons to administrative and criminal liability for violation of norms in the field of road safety is a necessary measure aimed at improving the level of safety for participants of social relations, contributing to the prevention of accidents. The article deals with the problematic issues of qualification for persons' actions in accordance with Part 1, 2, Article 12.7 of the Code of Administrative Offence of the Russian Federation with the presence of signs of a crime under article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Управление транспортным средством водителем, не имеющим либо лишенным права управления, всегда создает повышенную угрозу для безопасности дорожного движения. Данное правонарушение усматривается не только в действиях лиц, которые, не умея управлять автомобилем либо будучи лишенными этого права, сели за руль. Состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.7 КоАП РФ, может иметь место в том числе в деянии лица, привлекаемого к уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ.

Так, приговором Октябрьского районного суда г. Красноярск от 24 апреля 2019 г. по делу № 1-283/2019 Ш. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. В ходе производства по уголовному делу было установлено, что 21 сентября 2017 г. Ш. постановлением мирового судьи привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, ему назначено наказание в виде административного штрафа в размере 30 тысяч рублей с лишением права управлять транспортным средством на срок 1 год 6 месяцев. 6 октября 2017 г. Ш., имея при себе водительское удостоверение, обратился в ГИБДД с заявлением об его утрате. Водительское удостоверение у Ш. было изъято только 12 марта 2019 г., когда сотрудниками ГИБДД был выявлен факт управления Ш. транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Таким образом, срок лишения права управления у Ш. следует исчислять не с момента подачи им заявления об утрате водительского удостоверения, а с момента изъятия водительского удостоверения. Следовательно, на момент выявления сотрудниками ГИБДД факта управления Ш. транспортным средством в состоянии опьянения, он являлся лицом, лишенным права управления, и в его действиях усматривался не только состав преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, но и административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ.

Приговором Емельяновского районного суда Красноярского края от 18 апреля 2019 г. по делу № 1-152/2019 Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Согласно материалам дела 26 декабря 2016 г. Б. постановлением мирового судьи подвергнут административному на-

казанию в виде штрафа в размере 30 тысяч рублей с лишением права управления транспортными средствами на срок 1 год 6 месяцев за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ. В установленный срок после вступления постановления мирового судьи в законную силу Б. водительское удостоверение не сдал, с заявлением об утрате водительского удостоверения в ГИБДД не обращался. В связи с этим срок лишения специального права Б. был прерван, следовательно, на момент выявления повторного факта управления транспортным средством в состоянии опьянения лицо являлось лишенным права управления. Таким образом, в действиях Б. также усматриваются составы административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ, и преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» были даны новые разъяснения по некоторым вопросам, возникающим в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ. Изменения в толковании положений КоАП РФ коснулись и особенностей привлечения к административной ответственности лиц, не имеющих либо лишенных права управления транспортными средствами.

Федеральным законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» определено, что лицом, не имеющим права управления транспортными средствами, является лицо, которое на момент совершения правонарушения:

- 1) не получало такое право в установленном законом порядке;
- 2) лицо, срок действия водительского удостоверения у которого истек;
- 3) лицо, чье право на управление транспортными средствами прекращено в связи с наличием медицинских противопоказаний или медицинских ограничений.

Лишенным права управления транспортными средствами является лицо:

- 1) в отношении которого вступило в законную силу постановление по делу об административном правонарушении и назначено административное наказание в виде лишения права управления транспортными средствами;
- 2) в отношении которого имеется вступивший в законную силу приговор суда о назначении наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами.

Срок лишения права управления транспортными средствами начинается с момента вступления в законную силу решения суда при условии, что лицо

в трехдневный срок сдало водительское удостоверение в подразделения РЭО ГИБДД либо написало заявление об утрате водительского удостоверения. Однако в случае, если лицо уклоняется от сдачи водительского удостоверения либо, написав заявление об утрате, фактически продолжает использовать водительское удостоверение, срок лишения права прерывается и начинает исчисляться только с момента изъятия водительского удостоверения.

После истечения срока лишения для восстановления права управления транспортными средствами и последующего получения водительского удостоверения, гражданин обязан выполнить следующие условия:

1) пройти проверку знаний Правил дорожного движения РФ, которая осуществляется путем сдачи теоретического экзамена в рамках получения государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений;

2) оплатить административные штрафы за административные правонарушения в области дорожного движения;

3) пройти медицинское освидетельствование на наличие медицинских противопоказаний к управлению транспортным средством в случае совершения административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 12.8, ч. 1 ст. 12.26 и ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ.

В случае, если срок лишения права управления истек, а гражданин не выполнил одно или несколько указанных условий, он считается лицом, не имеющим права управления транспортным средством, соответственно, его действия следует квалифицировать по совокупности с административным правонарушением, предусмотренным ч.1 ст.12.7 КоАП РФ, что отражено в абзаце 2 п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Однако изучение правоприменительной практики, складывающейся в подразделениях ГИБДД Главного управления МВД России по Красноярскому краю, показало, что должностными лицами зачастую не рассматривается вопрос о наличии признаков составов правонарушений, ответственность за которые предусмотрены ч. 1, 2 ст. 12.7 КоАП РФ, в случае привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения и ранее подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Согласно отчетным данным, содержащимся в информационной системе «Статистика-Регион», за шесть месяцев 2019 г. на территории Красноярского края зарегистрированы 1245 преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 264.1 УК РФ, а с июля по октябрь 2019 г. выявлены 903 аналогичных преступления. При этом ежемесячная динамика привлечения лиц к административной ответственности по ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ не соответствует показателям выявленных преступлений.

Таблица 1. Сведения о количестве лиц, привлеченных к административной ответственности по части 2 статьи 12.7 КоАП РФ*

Статья	Месяц	Количество
Управление ТС водителем, лишенным права управления ТС (ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ)	январь	205
	февраль	218
	март	191
	апрель	272
	май	250
	июнь	246
	июль	336
	август	361
	сентябрь	371
	октябрь	377

* Информация в таблице приведена в соответствии с данными отчета «Сведения о результатах административно-применительной деятельности подразделений ГИБДД Красноярского края (А4-1).

С момента вступления в законную силу постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 валовые показатели по выявлению административных правонарушений, связанных с управлением транспортным средством лицом, лишенным права управления, увеличились незначительно, учитывая значительный рост количества преступлений по ст. 264.1 КоАП РФ. При этом, как было указано выше, практически каждый состав преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, сопровождается совершением административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 или ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ.

Несмотря на разъяснения Верховного Суда РФ по рассматриваемому вопросу, в практической деятельности должностных лиц имеются значительные просчеты, которые могут увеличить рост скрытых правонарушений на обслуживаемой территории в целом. Это является следствием не только недостаточной информированности сотрудников ДПС ГИБДД об актуальных тенденциях судебной практики, но и недостаточного контроля со стороны инспекторов административного законодательства и руководства ГИБДД на районном уровне. Исправить данную ситуацию может не только проведение дополнительных занятий с сотрудниками в системе правовой и служебной подготовки органов внутренних дел, но и изучение инспекторами административного законодательства ГИБДД каждого материала, передаваемого в подразделение дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 264.1 УК РФ, в целях выявления признаков административных правонарушений, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 12.7 КоАП РФ, и принятия мер реагирования по каждому выявленному правонарушению.

УДК 347.6

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ РОДИТЕЛЕМ, ПРОЖИВАЮЩИМ ОТДЕЛЬНО ОТ РЕБЕНКА

IMPLEMENTATION OF PARENTAL RIGHTS BY A PARENT LIVING SEPARATELY FROM THE CHILD

Силина Татьяна Борисовна,

*доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
филиала Института деловой карьеры в
Тюменской области (г. Тюмень),
кандидат юридических наук, доцент*

tbs.2013@mail.ru

Боярских Анастасия Евгеньевна,

*студентка 4 курса филиала Института
деловой карьеры в Тюменской области (г. Тюмень)*

9026207872@mail.ru

Ключевые слова:

родительские права, родитель, проживающий отдельно от ребенка, права ребенка.

В статье проанализированы нормы семейного законодательства Российской Федерации, регулирующие осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка. Сейчас среди правоведов активно ведутся дискуссии по вопросам злоупотребления права родителем, проживающим совместно с ребенком, а также о проблемах оставления судами неучтенными некоторых факторов при определении места жительства ребенка. Актуальность темы подтверждается официальными статистическими данными, примерами судебной практики. Авторами сделан вывод о декларативном характере правил, закрепленных в статье 66 Семейного кодекса Российской Федерации, а также о необходимости их совершенствования ввиду неприменения в судебной практике.

Keywords:

parental rights, parent living separately from the child, the rights of the child.

The article analyzes norms of family legislation of the Russian Federation that regulate implementation of parental rights by a parent living separately from the child. Active discussions currently take place among legal scholars concerning issues of abuse for the right by a parent living with a child, as well as problems of leaving some factors unattended by courts when determining the child's place of residence. The actuality of the given topic is confirmed by official statistics and examples of judicial practice. The conclusion is made about the declarative nature of the rules, fixed in Article 66 of the Family Code of the Russian Federation, as well as the necessity to improve them because of their non-application in judicial practice.

Психологами установлено, что причинами большинства ночных страхов, заикания и судорог у детей являются постоянные споры между родителями, которые наносят непоправимый ущерб нервной системе ребенка. При воспитании в условиях конфликтных отношений или вражды между родителями риск развития психических нарушений у ребенка значительно повышается.

Безусловно, развод родителей неизбежно сопровождается для ребенка крушением представлений о семье и является тяжелейшим стрессом. Ребенок, любящий родителей, хочет проживать с каждым из них, поэтому проживание с одним из родителей наносит вред нравственному развитию ребенка и его психическому здоровью.

П.А. Якушев отмечает: «Задачей судьи, рассматривающего дело об определении места жительства ребенка или об определении порядка общения с ребенком, должно быть не только юридически правильное разрешение спора, но, прежде всего, снижение уровня конфликтности в отношениях родителей, принятие исчерпывающих мер для примирения сторон, и если примирение не состоится, – определение места жительства ребенка или порядка общения с ним с максимальным учетом интересов ребенка с целью создания наилучших условий для развития ребенка, с тем чтобы не навредить ему, по возможности «сгладить» негативные последствия расставания родителей» [3, с. 1].

Суд решает споры о месте жительства ребенка только тогда, когда родители не могут сами заключить соглашение, не ущемляющее их прав и интересов ребенка. Если соглашение между родителями отсутствует или нарушает права и законные интересы ребенка, спор о месте жительства ребенка разрешается судом.

Но в наше время практическая часть данного вопроса достаточно противоречива. Распространены ситуации, когда родитель, с которым судом определено проживание ребенка, злоупотребляет правами и создает условия, ме-

шающие второму родителю полноценно осуществлять свои законные права и обязанности, чем нарушает права не только второго родителя, но и, безусловно, ребенка.

Именно этим в ст. 66 СК РФ обусловлен запрет на воспрепятствование общению ребенка со вторым родителем. Тем не менее СК РФ закрепляет и исключения из данного правила, ими становятся те случаи, когда общение ребенка с проживающим отдельно родителем может принести вред его здоровью.

Пунктом 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ) установлены обстоятельства, являющиеся обязательными для разрешения спора о месте жительства ребенка судом.

При рассмотрении данной категории дел суды зачастую подходят к решению указанного вопроса и вопроса об определении порядка осуществления родительских прав формально. Также можно оценить и участие в таких процессах органов опеки и попечительства, роль которых сводится к выдаче заключений по делу, составленных на основании актов обследования жилищных условий [1, с. 15].

Такое положение вызвано многими причинами, в том числе чрезмерно большим количеством дел в производстве конкретного судьи и характером споров, в основе которых лежат лично-доверительные отношения между членами семьи. Судье довольно сложно на основании минимальной информации по делу определить стиль жизни каждой семьи, сложившиеся в ней традиции, отношения между ее членами и вынести взвешенный и справедливый вердикт.

Именно поэтому после вынесения судебных решений по данной категории дел родитель, проживающий отдельно от несовершеннолетнего, в большинстве случаев остается недоволен принятым решением, пытается его отменить, мотивируя свое поведение в первую очередь нарушением прав ребенка на общение с ним. И в случае неудовлетворения жалоб обращается в суд повторно с требованиями изменить утвержденный судом порядок осуществления его прав. Кроме того, нередко просит суд указать в новом решении суда свои неучтенные в первом постановлении суда права на участие в воспитании ребенка, на решение вопросов, касающихся обучения, и других (например, апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 7 августа 2017 г. по делу № 33-16270).

Согласно статистике, представленной государственной автоматизированной системой «Правосудие», в 2017 г. 78% решений судов были вынесены в пользу матери, в 2018 г. в 85% случаев место жительства детей было определено с матерью.

Проанализировав 150 решений районных судов Тюменской области за 2018-2019 гг. по тематике рассматриваемого вопроса, отмечаем, что рассмотренные акты не имеют ссылки на п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ, более того, данный пункт ни в одном из них не применялся.

В Декларации по правам ребенка, принятой 20 ноября 1959 г. резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (далее – Декларация), установлены принципы, соблюдение которых помогает обеспечивать счастливое детство.

Согласно принципу 7 Декларации, одним из главнейших прав ребенка является право на образование, способствующее культурному развитию и развитию способностей и личного суждения. Обеспечение интересов и прав ребенка должно быть одним из руководящих принципов для лиц, ответственных за его образование и социализацию в обществе, прежде всего родителей. Общество и органы публичной власти должны прилагать усилия к тому, чтобы способствовать осуществлению этого права [2, с. 4].

Сегодня большая часть положений, регулирующих осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, закреплена в ст. 66 СК РФ, в частности право на общение с ребенком, на участие в его воспитании, на решение вопросов получения ребенком образования.

Приведенные положения более широко отображены в преамбуле и ст. 54 Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.), где детально рассмотрены права и интересы каждого ребенка. К ним, безусловно, относится право на жизнь и здоровое развитие, на имя и гражданство, право знать своих родителей, на их заботу и совместное проживание, а также провозглашается приоритет интересов ребенка перед интересами общества.

Указанные права согласуются с принципом равных родительских прав, закрепленным в ст. 1 СК РФ, а также с правом ребенка на общение с каждым из родителей при их раздельном проживании.

С целью обеспечить гарантии охраны законных прав и интересов родителя, не проживающего с ребенком, а также самого ребенка считаем возможным дополнить СК РФ статьей, возлагающей ответственность на родителя, с которым остается проживать ребенок, за злоупотребление правом.

Анализ норм семейного права, статистики, правоприменительной практики и мнений исследователей позволяет нам сделать вывод о том, что правила об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, носят исключительно декларативный характер и нуждаются в совершенствовании, так как фактически не применяются в практике.

Библиографический список

1. Елисеева, А.А. Осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка: материальные и процессуальные аспекты // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2018. - № 1. - С. 15-18.
2. Тарасенкова, А.Н. Ваш ребенок и его права: закон и мораль // Российская газета. - 2018. - № 15. - С. 117-176.
3. Якушев, П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика : монография. - М. : Проспект, 2018. - 144 с.

УДК 343.3

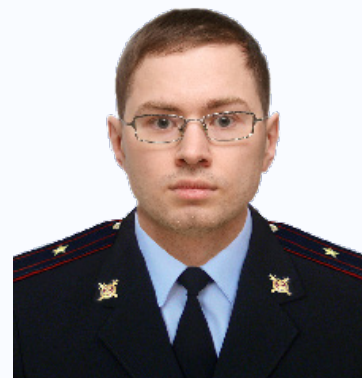
**ИНАЯ ВРЕДОНОСНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 273 УК РФ.**

**OTHER MALICIOUS COMPUTER INFORMATION
AS THE SUBJECT OF ARTICLE 273
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Галушин Павел Викторович,

*доцент кафедры информационно-правовых
дисциплин и специальной техники
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат технических наук*

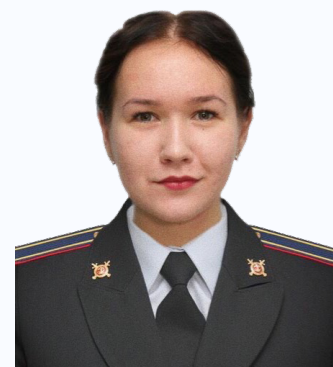
galushin@gmail.com

Лапина Елена Александровна,

*курсант 4 курса
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)*

lena.lapina.1999@mail.ru

Ключевые слова:

вредоносная компьютерная программа, иная вредоносная компьютерная информация, предмет преступления.

В статье рассматриваются особенности предмета преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 273 УК РФ, а именно создание, распространение и использование вредоносных компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенной для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации. Предлагается новый подход к понятию «иная компьютерная информация». Авторами даны рекомендации по наиболее полной правовой квалификации преступлений, предусмотренных ст. 273 УК РФ, а также предложены пути совершенствования судебной практики.

Keywords:

malicious computer program, other malicious computer information, subject of crime.

The article discusses the features of the subject of the crime under Article 273 of the Criminal Code of the Russian Federation, namely, the creation, distribution and use of malicious computer programs or other computer information that is deliberately intended for unauthorized destruction, blocking, modification, copying of computer information or neutralization of computer information protection tools. A new approach to the concept of «other computer information» is proposed. The authors give recommendations on the most complete legal qualification of crimes under Article 273 of the Criminal code of the Russian Federation, as well as suggest ways to improve judicial practice.

Проблемы, возникающие в ходе анализа предмета преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 273 УК РФ, носят достаточно неопределенный и дискуссионный характер. Общественная опасность преступления определяется тем, что вредоносные компьютерные программы способны парализовать работу компьютерной системы, что может привести к негативным последствиям, так как большая часть информации обрабатывается в автоматизированных информационных системах.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ, является вредоносная компьютерная программа и иная вредоносная компьютерная информация. Понятие «вредоносная компьютерная программа» не определено в действующем законодательстве, однако указано, что это «компьютерная программа либо иная вредоносная компьютерная информация, заведомо предназначенная для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации и нейтрализации средств защиты компьютерной информации». Нормами действующего законодательства не определено и содержание термина «компьютерная программа». В ст. 1261 ГК РФ содержится такое определение: «программой для ЭВМ является предоставленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения».

В некоторых случаях вредоносные компьютерные программы определяются через перечисление их конкретных разновидностей. Так, в соответствии с Методическими рекомендациями Генеральной прокуратуры РФ по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании

преступлений в сфере компьютерной информации под вредоносными компьютерными программами понимаются программы, известные как компьютерные вирусы (черви, троянские кони, кейлоггеры, руткиты и другие) [4].

В Соглашении о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, ратифицированного Федеральным законом от 01 октября 2008 г. № 164-ФЗ, под вредоносной программой понимается «созданная или существующая программа со специальными внесенными изменениями, заведомо приводящая к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, нарушению работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети».

Так как в законе отсутствует определенное понятие, обратимся к мнению ученых. А.И. Рарог считает, что «вредоносная программа – это программа, приводящая к несанкционированному (т.е. не разрешенному владельцем информации, пользователем, иным уполномоченным лицом) уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, нарушению работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети» [5].

К.Н. Евдокимов считает, что «вредоносные компьютерные программы – это специальные компьютерные программы, то есть совокупность взаимосвязанных между собой компьютерных данных и команд, созданных с целью несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации, а также совершения иных противоправных деяний (например, рассылка спама, фишинг, кибершпионаж, кибершантаж, управление зараженным компьютером, создание ботнетов и другое)» [2]. То есть он предлагает существенно расширить понятие вредоносной компьютерной программы.

Как мы видим, принципиально отличающихся точек зрения также не встречается.

Итак, под вредоносной компьютерной программой следует понимать предоставленную в объективной форме программу, предназначенную для воздействия на охраняемую информацию, сопровождающуюся нарушением правил доступа, которая приводит к уничтожению, блокированию, подделке информации, а также к сбою и утечке функционирования носителя информации.

Если с понятием «вредоносная компьютерная программа» существует единство мнений специалистов и определенная ясность, тогда что же такое «иная вредоносная компьютерная информация»?

В предыдущей редакции кодекса ответственность по ст. 273 УК РФ наступала за создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ, заведомо приводящих к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, нарушению работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, в результате чего круг предмета преступления

был сужен, к нему не относилась «иная компьютерная информация».

А.В. Бриллиантов считает, что под иной компьютерной информацией следует понимать различные инструкции и описания конкретных способов, которыми можно несанкционированно уничтожить, блокировать, модифицировать компьютерную информацию [3].

Ф.Б. Гребенкин под иной компьютерной информацией подразумевает любую информацию со встроенными в нее вредоносными программными кодами (например, логическая бомба) [1].

Нельзя не согласиться с обоснованным мнением А.И. Чучаева, который по вопросу о разграничении вредоносных компьютерных программ и вредоносной компьютерной информации указывает, что вредоносная компьютерная информация не образует самостоятельную программу, но, взаимодействуя с полезными кодами, способна негативно влиять на их работу [6].

Приговором Свердловского районного суда г. Красноярска от 2 августа 2013 г. № 1-493/2013 осужден А.Г.Ж. по ч. 1 ст. 273 УК РФ, который, находясь у себя дома, из сети Интернет осуществил копирование вместе с нелегальными программными обеспечениями корпорации Microsoft вредоносную компьютерную информацию, а именно: для установки нелегального программного обеспечения Microsoft скопировал файл «readme.txt», содержащий серийный номер от версии программы с типом лицензии «VL», являющейся иной компьютерной информацией, позволяющей произвести установку без покупки официальной версии продукта, а также нейтрализовать средства защиты программных продуктов корпорации Microsoft.

Файл «readme.txt», содержащий серийный номер от версии программы с типом лицензии «VL» – это файл с серийным номером, содержащий информацию о других файлах в том же каталоге или архиве, соответственно, не являющийся программой.

Другим примером будет приговор Кировского районного суда г. Красноярска от 24 марта 2017 г. № 1-171/2017 в отношении В.В. Л., который из корыстной заинтересованности распространил иную компьютерную информацию, заведомо предназначенную для нейтрализации средств защиты компьютерной информации. Реализуя свои намерения на распространение вредоносной компьютерной информации, скопировал с неустановленного интернет-сайта модифицированные файлы «kSys2.dll», «Materials.exe» для нейтрализации защиты программы «Аскон Компас-3 D V16», которые позволяют использовать программное обеспечение без покупки официальной версии продукта, что нарушает условия установки и использования программы, записав скачанные файлы на съемный оптический носитель. После чего умышленно, осознавая общественную опасность и противоправность своих действий,

вий в виде распространения иной компьютерной информации из корыстной заинтересованности, продал за 600 рублей. Действия были квалифицированы по ч. 2 ст. 273 УК РФ.

Приговором Комсомольского районного суда г. Тольятти Самарской области от 20 июля 2018 г. № 1-298/2018 Н.С.В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 273 УК РФ, то есть использование компьютерных программ, заведомо предназначенных для несанкционированной нейтрализации средств защиты компьютерной информации, совершенное из корыстной заинтересованности. Н.С.В., используя персональный компьютер, осуществил загрузку вредоносного программного обеспечения «Materials.exe», предназначенного для нейтрализации средств системы защиты компьютерных программ от несанкционированного использования, предусмотренной правообладателем. После этого Н.С.В. поместил указанные файлы на принадлежащий ему внешний жесткий диск. Далее из корыстных побуждений, умышленно, в целях сбыта и получения прибыли от последующей продажи копий программных продуктов установил на жесткий диск персонального компьютера Б. программное обеспечение «Компас-3 VI7 17.1.5». Н.С.В. для активации программного обеспечения «Компас-3 VI7 17.1.5» заменил оригинальные файлы вышеуказанного программного продукта на заранее модифицированные вредоносные программы. За установку и активацию указанных программных продуктов Н.С. Василенко получил денежное вознаграждение в размере 1 000 рублей.

Однако «Materials.exe» по своим техническим характеристикам является компьютерной программой, вследствие чего, можно сделать вывод о неправильной квалификации преступления Свердловским районным судом г. Красноярска, поскольку предметом будет являться вредоносная компьютерная программа.

Приговором Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга (Свердловская область) от 14 июля 2015 г. № 1-400/2015 осужден гр. Н. по ч. 1 ст. 273 УК РФ, то есть использование иной компьютерной информации, заведомо предназначенной для несанкционированной модификации и нейтрализации средств защиты компьютерной информации, который, реализуя свой умысел, направленный на использование компьютерной программы, запустил с имеющегося при нем машинного носителя информации программу «CW.EXE». Согласно заключению компьютерно-технической экспертизы № 60Э-15 «CW.EXE» является программой, в результате работы которой происходит модификация системного компонента.

Судебная экспертиза проводится для разрешения вопросов, требующих специальных знаний, навыков и умений в целях установления обстоятельств

дела. Однако суд, указав в приговоре, что преступление совершено с использованием компьютерной программы, квалифицирует его как использование компьютерной информации.

Можно сделать вывод, что из-за малой судебной практики по ст. 273 УК РФ, в которой предметом является «иная компьютерная информация», суд неправильно квалифицировал данное деяние.

Таким образом, можно сделать вывод, что под иной компьютерной информацией следует понимать различные комбинации компьютерной информации разных типов, не являющиеся программой либо взаимодействующие с не вредоносными программами, которые способны без предварительного уведомления обладателя компьютерной информацией о характере действия данными осуществить уничтожение, блокирование, модификацию компьютерной информации и нейтрализацию средств защиты компьютерной информации.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ, являются:

- вредоносная компьютерная программа, в случае если в заключении эксперта будет указано, что данный файл - программа (например, с расширением «EXE»);
- иная вредоносная компьютерная информация, любой файл, а также библиотеки, не являющиеся программами (например, «LIB», «DLL»).

В заключение отметим, что количество преступлений, связанных с компьютерными технологиями, продолжает увеличиваться, вследствие чего раскрытие соответствующей категории преступлений без специальных знаний становится все труднее и труднее. Неправильная трактовка деяний породила практику, которую применяют суды при рассмотрении дела по существу. Необходимо отталкиваться от понятия «вредоносная компьютерная программа» и соотнесения ее технических характеристик с предметом преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ. Для правильной квалификации и отграничений предмета преступления судам необходимо делать акцент на результаты экспертизы и требовать от эксперта разъяснений терминов, связанных с компьютерной техникой и информационными технологиями.

Библиографический список

1. Гребенкин, Ф.Б. Некоторые проблемные вопросы объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ / Ф.Б. Гребенкин, Л.А. Коврижных // Вестник гуманитарного образования. – 2017 – № 2 – С. 71-77.
2. Евдокимов, К.Н. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические аспекты : монография / К.Н. Евдокимов. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2013. – 267 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. – 2 изд. – М. : Проспект, 2016. – Т. 1. – 792 с.
4. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации : утв. Генеральным прокурором Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
5. Рарог, А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А.И. Рарог. – М. : Проспект, 2017. – 912 с.
6. Уголовное право. Особенная часть : учебник для бакалавров / под ред. А.И. Чучаева. – М. : Проспект, 2017. – 546 с.

УДК 343.843:159.9.07

РОЛЬ ФЕНОМЕНА ВЫУЧЕННОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ В РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ, ИЗОЛИРОВАННЫХ ОТ ОБЩЕСТВА

THE ROLE OF THE PHENOMENON OF LEARNED HELPLESSNESS IN THE RE-SOCIALIZATION OF CONVICTS ISOLATED FROM SOCIETY

Тепляшин Павел Владимирович,

*профессор кафедры уголовного права
и криминологии Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск),
доктор юридических наук, доцент*

pavlushat@mail.ru

Сергиенко Александр Сергеевич,

*заместитель начальника кафедры огневой
и тактико-специальной подготовки Сибирского
юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат психологических наук*

Al.S.Krsk@yandex.ru

Ключевые слова:

исправительное учреждение, контроль волевого усилия, лишение свободы, режим, психологическая помощь, эмоциональный дискомфорт.

В статье рассматривается синергетический эффект изоляции лица от общества при отбывании уголовного наказания. Рассмотрены особенности психологической стигматизации и отчужденности личности осужденного в контексте феномена «выученной беспомощности». Обосновывается его способность оказывать негативное влияние на процесс ресоциализации осужденного. Сформулирован вывод о необходимости использования правовых и психологических средств купирования отрицательных последствий рассматриваемого феномена и повышения тем самым эффективности ресоциализации освобожденных.

Keywords:

correctional institution, control of volitional effort, imprisonment, regime, psychological assistance, emotional discomfort.

The article examines the synergistic effect of isolating a person from society when serving a criminal sentence. The features of psychological stigmatization and alienation of the personality of the convict in the context of the phenomenon of «learned helplessness» are considered. It substantiates its ability to have a negative impact on the process of resocialization of the convict. The conclusion is formulated on the need to use legal and psychological means to stop the negative consequences of the phenomenon under consideration and thereby increase the effectiveness of the resocialization of those released.

Современные исследования в области уголовно-исполнительного законодательства, доктрина и практика все чаще отражают междисциплинарный подход к применению различных методов поиска новых знаний и решению выявленных вопросов, базируются на авангардных достижениях права и психологии, соответствующих гуманитарных ценностях и ориентированы на формирование адаптированных средств научного сопровождения политики обеспечения национальной безопасности. Мы полагаем, весьма актуальным междисциплинарным вопросом является проблема дифференциации исполнения лишения свободы и других уголовных наказаний, предполагающих изоляцию осужденного от общества, в отношении лиц, находящихся в зоне риска вероятного поражения различных факторов психологического характера.

При этом заметим, что в Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025 годы)», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2016 г. № 2808-р, указывается, что сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, обеспечивается повышением эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы. Тем самым происходит более рельефная конкретизация правового статуса осужденного. Так, ст. 6.1 УИК РФ закрепляет право осужденного на психологическую помощь, оказываемую сотрудниками психологической службы исправительного учреждения и иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи.

Значительный научный интерес вызывает обращение к психологической стороне исправительного воздействия и процесса ресоциализации с позиций преодоления феномена «выученной беспомощности» (англ. «learned helplessness») осужденного и формирования у него «мотивации достижения». Данный феномен открыт психологом Мартином Селигманом (Martin E. P. Seligman) в 1967 г.

и с тех пор достаточно широко экстраполируется на различные сферы общественных отношений [2-4], включая правоохранительную деятельность [1; 5].

Применительно к сфере исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы обозначенный феномен тесно связан с так называемым синергетическим эффектом изоляции осужденного от общества, при котором совместная сила взаимодействия различных факторов (в частности, ограничение информации, напряженность и эмоциональные нагрузки при общении с объективно ограниченным кругом лиц, сужение ролевой вариативности и стереотипность поведения) такой изоляции значительно превышает обычную сумму действий каждого из них. Не случайно М.В. Трофимова пришла к выводу о том, что время «непрерывного пребывания в колонии от 3 до 5 лет характеризуется большими эмоциональными изменениями. Повышается эмоциональная неустойчивость, перепады настроения носят все более циклический характер, эмоциональные переживания все больше доминируют в содержании поведения... К периоду 10 лет пребывания в колонии поведение становится более стереотипным...» [6, с. 83-84].

В случае психологической стигматизации и отчужденности личности осужденного, «трафаретности» его поведения происходит снижение мотивации личности к преодолению возникающих проблем вследствие наличия опыта безрезультатных попыток их преодоления.

Причины указанного феномена неоднозначны. Их можно искать как в индивидуальных психологических явлениях, так и в социальных (социально-правовых). Но, как и в большинстве подобных вопросов, истинные причины «выученной беспомощности» имеют сложный комплексный характер и способны влиять на поведение личности.

Так, во многом схематичный и детализированный распорядок дня в местах лишения свободы, обусловленный потребностями обеспечения и соблюдения режима исправительного учреждения, оказывает определенное влияние на формирование повторяющихся моделей (паттернов) поведения осужденного лица. Ведь сформулированный в ст. 82 УИК РФ режим в исправительном учреждении раскрывается через порядок исполнения и отбывания лишения свободы.

В связи с тем, что в последнее время наблюдается стабильный рост удельного веса осужденных, отбывающих лишение свободы третий или более раз (в 2016 г. удельный вес таких лиц составил 34,81%, в 2017 г. – 35,05% и в 2019 г. – уже 36,07%)¹, возникает вопрос о том, что рассматриваемый феномен, искажая социально при-

---

1 Статистические данные. Характеристика осужденных, которые осуждены к лишению свободы : официальный сайт Федеральной служба исполнения наказаний. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/>.

емлемый «образ будущего», вносит определенный вклад в рецидивную (повторную) преступность, находясь с ней в функциональной зависимости.

Наиболее известными экспериментами по изучению особенностей формирования феномена «выученной беспомощности» являются следующие. Во-первых, это многократно описанный эксперимент с собаками, проведенный в 1967 г. самим Мартином Селигманом, из которого, собственно, и был сделан вывод о том, что беспомощность вызывают не сами по себе неприятные события, а опыт неконтролируемости этих событий.

Вторым известным экспериментом стало проведенное в 1976 г. Эллен Джейн Лангер (Ellen Jane Langer) и Джудис Роден (Judith Rodin) исследование в доме престарелых Арден-Хауз в штате Коннектикут (США), которое также подтвердило предположение о позитивном воздействии контроля и возможности влиять на свою жизнь, а впоследствии другими психологами было сделано предположение, что, находясь в жестких условиях невозможности выбирать, пожилые пациенты могут проявлять саморазрушительное поведение, например отказываться от еды и лекарств, так как это единственное, что они могут выбирать.

Кроме двух указанных в литературе упоминается эксперимент с переполненным лифтом и эксперимент с группой испытуемых, решающих задачи на фоне сильного шума.

Выводы во всех описанных случаях экстраполируются на жизненную стратегию в целом, хотя базой для эксперимента являлись конкретные жизненные ситуации и реакция испытуемых распространялась (следовательно – фиксировалась) только в рамках данных ситуаций. Этот факт позволяет усомниться в обоснованности выводов о том, что полученный негативный опыт испытуемые неизбежно перенесут и на другие ситуации.

Ситуации, когда испытуемые помещены в некомфортные для них условия, очевидно, вызывают эмоциональный дискомфорт. Связь эмоционального состояния с продуктивностью деятельности и с общей активностью субъекта также очевидна. Вместе с тем нельзя не признать, что ощущение (даже иллюзорное) контроля над неприятной ситуацией существенно влияет на эмоциональное отношение субъекта к ней, делая его менее негативным.

Но вывод о том, что опыт неконтролируемости неприятных событий вызывает беспомощность субъекта, представляется дискуссионным. Основываясь на современной исправительной модели и опыте последующей ресоциализации лиц, отбывающих наказание, а также принимая во внимание результаты экспериментов М. Селигмана, Э.Д. Лангер и Д. Роден, считаем более обоснованным рассмотрение в качестве одного из основных факторов возникновения выученной беспомощности у осужденных не опыт неконтролируемости неприятных событий, а отсутствие положительного опыта разрешения жизненных ситуаций, связанных с такими событиями, что, конечно, не одно и то же.

Вывод, приведенный выше, кардинально меняет отношение к «выученной беспомощности», дает основания отказаться от ее рассмотрения как неизбежного побочного феномена исправительного воздействия и предложить варианты ее нивелирования, а также несколько конкретизировать признаки, формирующиеся при отбывании, как правило, длительных сроков уголовного наказания в виде лишения свободы: а) субъективная оценка невозможности самостоятельно повлиять на факт изоляции от общества; б) ощущение невозможности контролировать сложившуюся ситуацию фактической изоляции от общества (включая близких людей); в) оправдание себя и, напротив, приписывание причин сложившейся ситуации внешним обстоятельствам из-за экстернальной локализации контроля волевого усилия.

Еще раз обратим внимание, что рассмотренный феномен действительно способен оказать негативное влияние на процесс ресоциализации осужденных и поэтому должен учитываться как негативный психологический фактор, сопутствующий особенностям внутреннего режима исправительного учреждения и, следовательно, требующий профилактических мер либо мер по его нивелированию.

Рассмотрение проблем ресоциализации осужденных, отбывающих уголовные наказания, связанные с изоляцией от общества, в контексте феномена выученной беспомощности позволяет сформулировать ряд следующих основных выводов:

1) опыт негативного научения может отрицательно влиять на эффективность исправительного воздействия при исполнении уголовных наказаний, в первую очередь связанных с изоляцией лица от общества;

2) синдром бесполезности активного поведения способен оказывать негативное действие на личностные качества освобожденного, осложняя его адаптацию и ресоциализацию;

3) необходимы правовые и психологические средства нивелирования депрессивного состояния, вызванного нарушением способности преодоления имеющихся трудностей, и оптимизации исправительного воздействия на осужденного, которые способствовали бы купированию отрицательных последствий рассматриваемого феномена и повышению эффективности ресоциализации освобожденных;

4) в уголовно-исполнительном законодательстве и соответствующих правовых актах (в частности, в правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений) допустимо закрепить нормативные установления, направленные на нивелирование либо даже значительную минимизацию рассмотренных последствий отбывания осужденным различных сроков уголовного наказания в виде лишения свободы.

Библиографический список

1. Арпентьева, М.Р. Профессиональное выгорание: десакрализация и латентная агрессия сотрудников правоохранительной системы / М.Р. Арпентьева // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25. – № 4. – С. 669-676.
2. Волкова, О.В. Интегративный подход к изучению выученной беспомощности детей / О.В. Волкова // Сибирский психологический журнал. – 2014. – № 54. – С. 126-145.
3. Глухова, Е.С. Исследования особенностей табакокурения как формы проявления выученной беспомощности в молодежной среде / Е.С. Глухова, Э.А. Щеглова // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 329. – С. 201-206.
4. Садолина, Т.В. Деструктивные отношения с отцом как фактор, влияющий на формирование «выученной беспомощности» / Т.В. Садолина // Человеческий фактор: социальный психолог. – 2018. – № 1(35). – С. 176-183.
5. Соловьева, Н.А. Выученная беспомощность женщин в структуре криминалистической характеристики насильственных преступлений / Н.А. Соловьева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2011. – № 2(17). – С. 124-132.
6. Трофимова, М.В. Влияние условий изоляции от общества на личность и поведение осужденных на разных этапах процесса отбывания наказания / М.В. Трофимова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2009. – № 3(39). – С. 81-85.

УДК 34.07

К ВОПРОСУ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОТИВОПРАВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ МАССОВЫХ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО УРОВНЯ

TO THE ISSUE OF PREVENTION FOR ILLEGAL ACTIONS IN THE PERIOD OF INTERNATIONAL MASS SPORT EVENTS CARRYING OUT

Черипко Денис Петрович,

*преподаватель кафедры административного
права и административной деятельности ОВД
Сибирского юридического института МВД
России (г. Красноярск)*

denischeripko@yandex.ru

Ключевые слова:

массовые спортивные мероприятия, органы внутренних дел, противоправные проявления, профилактические действия.

В статье исследованы отдельные проблемные вопросы профилактической деятельности органов внутренних дел в период проведения массовых спортивных мероприятий международного уровня. Рассмотрены объекты профилактического воздействия органов внутренних дел, предложены способы организации как общей, так и оперативно-розыскной профилактики в указанный период.

Keywords:

mass sport events, bodies of internal affairs, illegal actions, preventive actions.

The article deals with certain problematic issues of bodies of internal affairs preventive activity in the period of international mass sport events carrying out. Objects for preventive actions of bodies of internal affairs are analyzed, ways for general and operational-search prevention at the given period are proposed.

Одним из направлений работы любого государства и всех его институтов по формированию физически развитого человека, воспитанию у граждан страны здорового образа жизни, привитию любви к занятиям спортом с малых лет является проведение массовых спортивных мероприятий.

В связи с постоянным развитием сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами все большее внимание уделяется массовым спортивным мероприятиям международного уровня. Это выражается в проведении масштабных международных спортивных соревнований, которые в последнее десятилетие часто проводятся в России, что, несомненно, формирует положительный имидж нашего государства, укрепляет его международный авторитет.

Только за последнее десятилетие на территории Российской Федерации были проведены такие массовые спортивные мероприятия, как зимние Олимпийские игры в Сочи, Чемпионат мира по хоккею в Москве, летняя Универсиада в Казани, молодежный чемпионат мира по хоккею в Уфе, которые вызвали большой интерес международной общественности. Поэтому актуальными остаются вопросы профилактики противоправных проявлений в период проведения массовых спортивных мероприятий международного уровня.

Учитывая, что при проведении подобных мероприятий в большей степени именно на органы внутренних дел возлагается решение серьезных задач, от решения которых напрямую зависит не только безопасность зрителей и участников соревнований, но и имидж нашей страны на мировой арене, особое значение приобретает профилактическая деятельность полиции.

Следует учитывать, что в период проведения массовых мероприятий органы внутренних дел являются далеко не единственными субъектами профилактики преступных проявлений и противоправных деяний. В то же время рассмотрение этой деятельности целесообразно осуществлять именно через призму опыта работы различных подразделений МВД России.

В данной статье нами предпринята попытка исследовать отдельные проблемные вопросы профилактической деятельности органов внутренних дел в период проведения массовых спортивных мероприятий международного уровня.

Необходимость и правомерность осуществления как общей, так и оперативной профилактики противоправных проявлений закреплены в различных нормативных правовых актах, в том числе приказах МВД России.

Основной целью профилактики в период проведения массовых спортивных мероприятий, по нашему мнению, является предупреждающее воздействие с помощью сил, средств и мер органов внутренних дел на лиц, от которых можно ожидать совершения правонарушений и преступлений, и нейтрализация (устранение) подобных факторов.

Таким образом, основными объектами профилактики в период проведения массовых спортивных мероприятий являются лица, представляющие интерес

для органов внутренних дел [1] в силу подготавливаемых или совершаемых ими противоправных деяний.

В соответствии с основными профилактическими задачами соответствующие меры предупредительного воздействия могут быть применены к отдельным лицам, намеревающимся совершить противоправные деяния. К их числу можно отнести тех, кто вынашивает умысел на совершение разного рода преступлений и правонарушений, а также совершает подготовительные действия к этому.

Например, по устойчивости профессиональных навыков можно выделить следующие типы указанных лиц:

а) ситуативные. Представители этого типа могут совершить противоправные действия с использованием благоприятно сложившейся обстановки. В период проведения массовых спортивных мероприятий международного уровня подобные деяния могут совершаться работниками гостиниц, стадионов, кафе, других организаций, относящихся к сфере бытового обслуживания;

б) примитивные. К данной категории относятся лица, ранее не привлекавшиеся к уголовной ответственности, с неустойчивой корыстной антиобщественной установкой (как правило, совершающие мелкие хищения или кражи в большей степени свободным доступом). Подобные преступные проявления возможны со стороны лиц с низкой социальной ответственностью, граждан, ведущих аморальный образ жизни, лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, знакомых потерпевшего, несовершеннолетних;

в) квалифицированные. К этому типу относятся отдельные лица со стойкой антиобщественной установкой, как правило, в прошлом судимые, но не прекратившие преступной деятельности. Противоправные действия совершаются ими, как правило, в составе преступной группы с распределением ролей, они располагают транспортными средствами, используют квалифицированные способы совершения преступлений, тщательно готовятся к их совершению;

г) «гастролеры». Эта категория лиц выбирает для совершения противоправных действий объекты транспортной инфраструктуры, находящиеся в районе аэропортов, речных портов, автовокзалов и железнодорожных вокзалов. Массовые спортивные мероприятия особенно привлекают последних. Маскируясь под гостей соревнований, они выясняют, кто из действительных участников и гостей располагает ценными вещами и денежными средствами, с целью совершения преступных действий. У них появляется возможность для подготовки преступления и выбора способа его совершения после установочных контактов с потенциальными жертвами;

д) хулиганы. К представителям этого типа относятся представители субкультуры фанатов, которые связывают свои хулиганские действия в период проведения массовых спортивных мероприятий с собственными пристрастиями к той или иной спортивной команде или отдельному спортсмену. Противоправные

действия совершаются ими до или после спортивных мероприятий и, как правило, связаны с хулиганскими действиями.

Так называемая группа «постоянного риска» объединяет лиц, от которых можно ожидать совершения преступления, эта категория, по нашему мнению, включает:

- а) ранее судимых за умышленные преступления и не вставших на путь исправления;
- б) систематически нарушающих общественный порядок после освобождения из мест лишения свободы;
- в) ранее не привлекавшихся к уголовной ответственности, но систематически нарушающих общественный порядок;
- г) ведущих антиобщественный образ жизни;
- д) злоупотребляющих спиртными напитками;
- е) потребляющих без назначения врача наркотические средства, психотропные вещества;
- ж) имеющих психические отклонения [2].

Особо необходимо отметить, что в период проведения массовых спортивных мероприятий международного уровня многократно возрастает актуальность таких объектов профилактики, как лица, являющиеся потенциальными жертвами преступлений вследствие своего поведения либо образа жизни. Очевидно, что далеко не все участники и гости соревнований являются фанатичными последователями здорового образа жизни, поэтому по таким значимым поводам, как победа или выбывание из турнира какой-либо команды неизбежны ситуации, связанные с чрезмерным потреблением алкоголя и других негативно воздействующих на организм веществ. Эти лица являются потенциальными жертвами в преступных «сценариях», поскольку утрачивают адекватность и критичность мышления, ослабляют или теряют чувство осторожности, агрессивно реагируют на внешние раздражители, специально используемые преступниками в качестве поводов для конфликтов.

К числу аморальных удовольствий, потенциально доступных участникам и гостям массовых спортивных мероприятий международного уровня, относится проституция, которая является питательной средой, формирующей условия для совершения самых разнообразных противоправных действий: тайных и открытых хищений чужого имущества, сбыта наркотиков, причинения вреда жизни и здоровью и т.д. При этом особенно уязвимыми для совершения преступлений являются иностранцы, которые могут быть очень плохо осведомлены об особенностях и обычаях страны пребывания и, как правило, не владеют национальным языком, что затрудняет получение своевременной помощи со стороны должностных лиц органов внутренних дел.

Таким образом, для предупреждения противоправных деяний в период проведения массовых спортивных мероприятий международного уровня сотрудникам органов внутренних дел необходимо направить свои усилия на:

– определение объектов профилактики. Подобный шаг, несомненно, даст основания принимать к ним соответствующие меры предупредительного воздействия (например, не заключать с указанными лицами трудовые договора (контракты) в период проведения спортивных соревнований или ограничить их появление на спортивных объектах);

– выявление причин и условий, способствующих совершению противоправных действий, принятию мер по их устранению. Поскольку социальная значимость массовых спортивных мероприятий обусловлена отношением к ним не только как к мировым спортивным событиям, но и как к крупнейшему туристическому явлению. Виктимность лиц, прибывающих в Россию преимущественно с туристическими целями, заключается в субъективной переоценке мер безопасности, которые предпринимают правоохранительные органы для обеспечения общественного порядка. Чаще всего утрачивается бдительность и ослабляются меры, необходимые для сохранения своего имущества и личной безопасности, тем самым создаются условия для разного рода преступлений и правонарушений. Думается, что своевременное информирование о средствах и способах правомерной защиты от преступных посягательств поможет оградить указанных лиц от противоправных проявлений;

– привлечение общественности. Общественное криминологическое предупреждение не только возможно, но и необходимо применительно ко всем противоправным проявлениям в период проведения массовых спортивных мероприятий. Деятельность объединений граждан в сфере охраны общественного порядка в указанный период способствует установлению доверительных отношений со стороны населения, а значит, помогает устранить причины и предпосылки подготавливаемых противоправных деяний.

Библиографический список

1. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. – М. : ИНФРА-М, 2002. – С. 572.

2. Черипко, Д.П. Объекты профилактики преступных проявлений в период проведения массовых спортивных мероприятий международного уровня // Аллея Науки. – № 6(22). 2018. – С. 62-66. – URL: https://www.alley-science.ru/domains_data/files/55June2018/OBEKTY%20PROFILAKTIKI%20PRESTUPNYH%20PROYaVLENIY%20V%20PERIOD%20PROVEDENIYa%20MASSOVYH%20SPORTIVNYH%20MEROPRIYaTIY%20MEZhDUNARODNOGO%20UROVNYa.pdf

УДК 342

**АКТУАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ
МОБИЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

**RELEVANCE OF SOCIAL
MOBILIZATION OF THE POPULATION
IN MODERN SOCIETY**

Шинкевич Владимир Ефимович,

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), доктор социологических наук, доцент

vlashink@yandex.ru

Ключевые слова:

социальная мобилизация, социальные технологии, мотивация, социально-неадаптированное население.

Статья посвящена раскрытию значимости феномена мобилизации как комплексного набора средств и усилий общества, коллектива, отдельной личности на решение актуальных задач в условиях стратегий выживания или решения социально значимых проектов, требующих аккумуляции всех имеющихся возможностей и сил на решение намеченной цели. Рассматривая феномен мобилизации, автор обосновывает возможность и значимость ее технологий в социальной сфере, использует понятие «социальная мобилизация», обращает внимание на возможности и пути повышения мотивации человека, в том числе попавшего в сложные жизненные условия.

Keywords:

social mobilization, social technologies, motivation, socially unadapted population.

The article is devoted to revealing the significance of the phenomenon of mobilization as a complex set of funds and efforts of society, collective, individual to solve urgent problems in the context of survival strategies or socially significant projects that require the accumulation of all available opportunities and forces to solve the intended goal. Considering the phenomenon of mobilization, the author substantiates the possibility and significance of its technologies in the social sphere, uses the concept of «social mobilization», pays attention to the possibilities and ways to increase the motivation of a person, including those who have fallen into difficult living conditions.

Очередная модернизация России в конце XX века обострила целый комплекс проблем в социальной, экономической, политической сферах общества, усугубила проблемы национальной идентичности и национального характера, свободы и самоопределения. Поспешный и не всегда обдуманый отказ от старых и быстрое по историческим меркам становление новых общественных структур не только обнажили скрытые пласты девиантности (алкоголизм, преступность), но и спровоцировали ее рост, а также образование новых социально опасных форм отклоняющегося поведения (токсикомания, наркотизм, проституция, бродяжничество, гемблинг, вседозволенность), что отразилось в массовом сознании и поведении миллионов людей. Власть на рубеже тысячелетий (подспудно, незаметно) дезадаптировала большую часть населения относительно привычного ритма жизни, создала такие «рамочные условия» существования «среднестатистического» человека, которые «максимально усложняют решение им даже элементарных жизненных задач, ориентируют на выживание в агрессивной социальной среде» [2, с. 41]. Несмотря на то, что в целом в российском социуме имеются определенные положительные достижения в различных сферах общественной жизни, в социальной мобильности, «россияне весьма противоречиво оценивают ее динамику за период с начала реформ... Обращает на себя внимание нарастание в обществе тревожных самоощущений» [3].

В этой ситуации главным подходом к анализу социальных процессов и изменений выступает исследование не столько состояния и колебания общественного сознания по проблемам роли и места собственных усилий и усилий общества в достижении определенных социальных благ, сколько процессов преодоления пассивности, самодостаточности, самоуспокоенности, социально-психологической неустойчивости дезадаптированных групп населения, мотивации их к поиску путей из возникшей сложной или неопределенной

жизненной ситуации в условиях трансформации современного российского общества, а равно в условиях непредвиденных ситуаций, с которыми регулярно сталкиваются как отдельные общества в процессе своего функционирования, так и все мировое человеческое сообщество. Пример – регулярные эпидемии последних десятилетий: свиной грипп, птичий грипп, короновирис и пр. «В настоящее время, – писал В. Распутин (и эти строки остаются актуальными и сегодня), – мы часто вспоминаем ополчения, спасшие Россию в Смуту XVII вв. – новая смута теперь закрадывается в нас самих, в наш народ, пришла пора вставать против нее, мобилизуя все сохранившиеся у нас здоровые силы» [7, с. 38.].

Сегодня социальная, политическая, экономическая, духовная обстановки таковы, что обществу необходимы поиски новых подходов к своему развитию. Повышение уровня жизни большинства граждан – это самая насущная социально-политическая и социально-экономическая задача, ибо обеспечение достойного уровня жизни не может быть достигнуто посредством лишь социальной защиты, равно как и отдельными программами, финансируемыми из федерального и регионального центров. Если потенциальные возможности людей, столкнувшихся с проблемами в решении своих жизненных планов, могут быть мобилизованы для принятия ими действий по улучшению своего материального и социального положения, то процесс повышения социальной защищенности социально неадаптированного населения будет более устойчивым.

Поиски путей выхода из кризисного состояния, преодоления факторов дезорганизации общества и личности, достижения социальной гармонии обусловили необходимость изучения мотивационной сферы деятельности человека, путей и приемов преодоления социальной апатии и пассивности в период радикальных преобразований последних десятилетий, социальной мобилизации общественных усилий и отдельного человека на преодоление возникающих социальных и природных катаклизмов.

Как показывает социальная практика, уровень жизнеосуществления человека проявляется через его активность, которая обуславливает социальную деятельность. Пониманию механизма проявления активности способствует уяснение значимости основных элементов социологической структуры личности, в которой выделяют: ценностные ориентации, потребности, социальные роли личности, место, которое она занимает в структуре общественных отношений. Аналогично выделяются и основные структурные элементы-подсистемы деятельности: объективно-предпосылочная (потребности и интересы), субъективно-регулятивная (диспозиция), исполнительская (совокупность поступков, совершаемых во имя реализации поставленной цели), объективно-результативная (результат деятельности).

Данные подсистемы выступают источниками человеческой деятельности, уровень и результативность которой во многом определяется активностью

индивида, группы, общества наконец. События конца XX века показали, что, в принципе имея равные первоначальные социальные условия, одни группы и отдельные индивиды смогли «оформить» свои цели и реализовать свои потребности, другие не только не смогли достичь более высоких социальных статусов, но и потеряли, то, что имели. И даже в этих новых социальных условиях они не стали сознательно более активными в выборе средств и методов, применительно к новым общественно-политическим, экономическим реалиям. И таких большинство. Однако нельзя сказать, что эта категория граждан осталась неизменной. Уровень их развитости во многом стал определяться не только физическим здоровьем и силой человека, но и возможностями его социального потенциала, общественных связей, психики, знаний, навыков и умений.

Динамика уровня овладения этими качествами во многом детерминирована активностью человека как качеством врожденным и качеством, приобретенным под воздействием внешних факторов. Гамма внешних факторов может выступить как единый социальный мобилизующий механизм, способный повысить активность человека в более продуктивном использовании его жизненного потенциала.

В условиях современной России при оценке мобилизующих возможностей общества центральной проблемой социальных отношений и публичной политики стало социальное неравенство, ибо в ней, как в фокусе, отражается вся совокупность общественных отношений и процессов, проходящих в конце XX – начале XXI века. Сегодня общество сильно дифференцировано по материальному признаку, и этот процесс будет продолжать нарастать. В общественном сознании преобладает мнение, что ситуация будет все более ухудшаться. Исследования состояния российского общества в последние годы «указывают на то, что многие проблемы, практически значимые для населения, фокусируются в одной, самой болезненной точке: на экстремальных неравенствах доходов крайних (extreme) децильных страт, значительно превышающих нормы, приемлемые россиянами; такие неравенства воспринимаются населением как несправедливые и создают угрозы целостности страны»[6].

Разумеется, было бы неверным рассматривать социальное неравенство как сугубо негативный общественный феномен, препятствующий общей направленности на повышение социальной активности, а равное распределение общественного продукта между членами общества – как справедливую, достойную каждого человека социальную политику государства, способствующую продуктивной деятельности всех ее членов. В той мере, в какой различия в отношении к собственности, в труде, доходах, условиях и качестве жизни есть результат собственных усилий людей, их собственной трудовой, деловой и общественной активности, они играют позитивную роль. Равное же распределение, без учета вклада человека в пополнение национального богатства,

формирует иждивенческие настроения, в перспективе гасит творческую и производственную активность граждан.

Негативной оценки социальное неравенство заслуживает тогда, когда оно возникает из-за пороков общественного и государственного устройства, которое одним открывает легкий доступ к материальным и духовным богатствам, а других лишает возможности пользоваться даже результатами собственного труда. Такое неравенство не только несправедливо, но и снижает стимулы к созидательной деятельности так же, как и условия равного распределения, и подрывает политическую стабильность в общества. Отсюда следует необходимость системной, продуманной социальной политики, способной мобилизовать жизненные силы различных категорий граждан, и в первую очередь – социально неадаптированных, обеспечить сочетание экономического динамизма с социальной справедливостью и социальными гарантиями.

Последствия реформирования российского социума в конце XX в. оцениваются сегодня неоднозначно. Одни называют их победой демократии и освобождением человека от диктата государства и его институтов. Другие, наоборот, видят в них лишь разрушения, уничтожение «великих завоеваний», причину развала некогда великой страны. Третьи не могут оценить сути происходящих изменений, уловить их смысл для общества и лично для себя, предпочитают жить одним днем, рассчитывая свои силы для удовлетворения лишь потребностей и запросов сегодняшнего дня. Большинство людей в сложных социально-экономических условиях ищут защиты и укрытия от враждебной социальной среды в своих частных социальных мирах, не допуская туда посторонних. Им свойственно неприятие других, недоверие к внешнему миру вообще, с другой стороны, они становятся уязвимыми для слухов, фейковых технологий.

В конце 1980-х гг. перемен желало большинство общества. Подтверждением этому могут служить итоги выборов в высшие органы власти 1989-го – начала 1990-х гг. Первые альтернативные выборы показали, что основным мотивом голосования был протест против существующего режима и образа жизни. В последующие годы призывали голосовать сердцем, головой. При этом голос сердца противопоставлялся голосу разума и наоборот. Одни призывали голосовать за тех, кто вызывает доверие, другие – за тех, кто предлагает наукообразные пути выхода из кризисного положения, третьи – за тех, кто узнаваем электоратом [9].

В дореформенный период естественные адаптационные процессы способствовали устоявшемуся образу жизни большей массы населения. В условиях реформ прежний уровень адаптации вступил в противоречие реалиям проходящих перемен, как следствие, большая часть населения была дезорганизована в своей деятельности, дезадаптирована в социальном пространстве, столкнулась с неспособностью и невозможностью самостоятельно организо-

вать привычный для себя образ жизни. Практически все аспекты бытия человека (получение или замена паспорта, приватизация жилья, рождение ребенка) превратились в тяжелую проблему, требующую сил, времени и терпения. Многопроблемье не только подавляет, озлобляет и «зацикливает» на себе, но также и стимулирует социальную пассивность. Потеря привычного ритма существования обострила проблему маргинализации общества, что привело к потере мотивации в деятельности, увеличение тех категорий граждан, которые лишь пассивно ждут изменений в лучшую сторону в своей собственной судьбе и не предпринимающих к этому самостоятельных действий.

Подобная оценка позволяет предположить, что при очередном обострении социальной, политической ситуации или сколько-нибудь серьезном повороте к иным способам реализации политики потенциальная энергия масс может проявить себя в деструктивных социальных и политических действиях. По мнению ряда исследователей, необходимо понимать, что в этих условиях данная энергия масс «ведет к торможению инновационного развития России, к усилению социальной напряженности, угрожает территориальной целостности страны и национальной безопасности» [1].

Другими словами, речь следует вести не столько о социальной пассивности, сколько о накоплении энергии, не находящей выхода из-за плохой проводимости легитимных конституционных каналов, и, следовательно, о сохранении латентного социального активизма, который в определенной ситуации и при целенаправленных усилиях может приобрести открытые политические формы. При этом активизировавшаяся масса может быть использована «в темную» заинтересованными лицами в своих интересах, масса же получает в результате своих действий, как правило, минимальную пользу, если получает хоть что-то.

При конструктивной мобилизации социально неадаптированного населения может быть минимизировано накопление отрицательных эмоций, способных привести к серьезным нарушениям деятельности, снижению уровня ее адаптационных возможностей. Эти же эмоции могут способствовать и развитию воли, накоплению опыта преодоления трудностей, мотивации к саморазвитию.

Наибольшая неустойчивость взглядов, проблематичность протекания адаптационных процессов характерна прежде всего для молодого поколения. Оно осваивает ментальность, присущую обществу, по мере своей социализации. Однако необходимо помнить, что молодежь – это та социальная категория, которая находится еще в стадии формирования. Следовательно, наиболее ощутимые негативные последствия для формирования ее ментальных характеристик могут нанести процессы переходных, кризисных состояний общества, дезорганизирующие устоявшийся механизм функционирования социально-политической системы. И ментальность, и социализация – продукты социальной

самоорганизации. Если на начальном этапе у подрастающего поколения не будут сформированы жизненные социально значимые ориентиры, обладающие высокой организованностью и продуктивностью, то оно будет в дальнейшем наиболее чувствительно к воздействию всевозможных социально-политических технологий, средств манипуляции, к которым прибегают субъекты политики, прежде всего в поисках своей выгоды, для решения своих интересов в большей части для получения сиюминутной выгоды. То же самое – в отношении наименее образованных слоев населения, мигрантов, вынужденных переселенцев и т.п.

Необходимость использования мобилизационных ресурсов общества для повышения социальной активности его членов обусловлено также тем, что в настоящее время мы наблюдаем изменения ритма истории – развитие и внедрение информационных технологий приводит к тому, что жизнь, кажется, движется гораздо быстрее, чем когда-либо раньше, происходит ускоренное накопление фактов, знаний, методик, достижений и открытий, в том числе и новейших технологий. Это требует иного взаимоотношения человека с миром. Он должен воспринимать его в стремительном движении, а не в статике, не в неподвижном, «замороженном» состоянии. Однако большая часть людей, привыкших к размеренному ритму жизни в период перехода от прошлого через настоящее к будущему, не осознают новых условий существования. Человек должен стать иным – способным жить в постоянно меняющемся мире, в новых, неведомых ранее темпах преобразования общества, соизмерять свою жизнь с этими темпами и реалиями функционирования основных сфер жизнедеятельности человека. В противном случае первоначальные иллюзии возможности жить и действовать в новых условиях могут не оправдаться, человек, столкнувшись с трудностями, быстро свыкается с их постоянным присутствием, у него гасятся внутренние установки, направленные на их преодоление, заменяются чувством безысходности. Неустойчивая личность не способна преодолевать трудности. Для нее характерны переживания, связанные с переоценкой значимости возможной неудачи и переоценкой возможности удовлетворения потребности. Новые жизненные силы, адекватные новым реалиям, формируются гораздо проблематичнее.

Наиболее ярким примером является реформирование организации сельскохозяйственного производства России в конце XX века. В сложных условиях реформ, с совхозами, колхозами и прочими организациями, характерными для советского периода развития общества, произошли огромные преобразования. Под впечатлением различных радужных перспектив большинство работников этих предприятий предприняли довольно «результативные» попытки к акционированию, разгосударствованию, разукрупнению вплоть до выделения отдельных наделов, образованию на общественных землях фермер-

ских хозяйств. Государство данному процессу никак не противостояло, но и не оказывало практически никакой поддержки формируемому новому классу крестьян-собственников. «Двигающая идея» была проста: «Человек, став истинным собственником земли, будет усердно на ней трудиться и добиваться высочайших результатов». Государство посчитало, что сельскохозяйственные предприятия смогут существовать, обслуживать себя сами, расширять выпуск продукции за счет своих внутренних резервов. Однако одного энтузиазма, желания хорошо трудиться и добиваться наивысших результатов оказалось недостаточно. Как следствие, бывшие работники стали пополнять армию безработных, а наличие большого количества свободного времени и ощущение безысходности способствовали процессам дезадаптации, злоупотреблению спиртными напитками и откровенному пьянству в сельской местности.

Еще в конце XIX века М.Я. Острогорский (основоположник отечественной политической социологии, посвятивший жизнь изучению феномена демократии) полагал, что современная демократия в состоянии представить человеку лишь материальную свободу. Однако духовная свобода, свобода выбора, возможность поступать в соответствии со своими убеждениями неосуществима даже в развитых государствах, и, как следствие, «возрастающая сложность социальной жизни сделала больше, чем когда бы то ни было, необходимым объединение индивидуальных усилий» [6, с. 239].

Большую роль в предотвращении дезориентации населения, в уменьшении его пассивности играет само общество, его управленческие структуры, которые должны вырабатывать механизмы поддержания продуктивной деятельности своих членов. Одним из действенных механизмов активизации граждан является социальная мобилизация. Конструирование приемов и методов мобилизации должно строиться с учетом различного уровня активности, которую проявляют женщины и мужчины, городские и сельские жители, возрастные группы, общности с различным материальным достатком.

В этой связи возникает необходимость комплексных, в том числе социологических исследований, происходящих в России процессов изменения структуры национально-этнического сознания, национального характера в социуме. Следовательно, необходимо изучение и динамики, и факторов, обеспечивающих соответствующий уровень активности человека в реализации жизненных сил, возможностей мобилизации их на обеспечение процессов развития.

Перед обществом в лице его руководящих структур стоит задача изменить подход к человеку, к его отношению с миром и тем самым помочь людям адаптироваться к новым условиям и суметь адекватно действовать, чтобы не только выживать или выжить, но и, мобилизовав жизненные силы, преуспеть. Человек должен уметь с новизной справляться, он не должен её бояться, а, встречаясь с нововведениями, принимать их как стимул к деятельности в новом качестве.

ве, на новом витке общественного развития. Эти процессы требуют социологического исследования, этому необходимо обучать людей.

Встает вопрос о воспитании и обучении нового (иного) человека, который чувствовал бы себя комфортно в этих условиях стремительных перемен, сумел бы без страха действовать в ситуациях, никогда ранее перед ним не возникавших, рассчитывая на свои способности, скрытые потенции, и мог бы импровизировать свои действия и принятие решений, опираясь в том числе и на свои знания. Естественно, что для осуществления такой «миссии» учителям, преподавателям нельзя пользоваться только прежними методами, приемами и техниками обучения, которые не то чтобы устарели, а просто не отвечают поставленным целям, иным по своей сути. Например, научить, как себя раскрыть и понять свои способности и скрытые возможности (уметь услышать свое Я, познать себя); как более полно раскрыть и ощутить свои творческие потенции, воспользоваться ими в нужный момент действия; как «оторваться» от прошлого во времени и пространстве (хотя прошлый опыт помогает узнать похожую ситуацию. Однако условия теперь другие и предполагают иные действия); как «раствориться» в настоящем моменте, когда важно принять решение только «здесь – и – сейчас». В этой цепи повышения социально значимого образования человека большие потенциальные возможности заложены на мобилизующие приемы, направленные на актуализацию его деятельного потенциала, на повышение его активности человека.

Реалии развития современного социума, обусловленные спецификой переживаемого обществом периода, ставят задачи сформировать современного человека как творческую личность с новым мировоззрением, нацеленную не столько на продукт своей деятельности, сколько на сам процесс деятельности, когда приоритетным становится творческая установка, предполагающая, во-первых, поглощение настоящим – ситуация «здесь – и – сейчас»; во-вторых, открытость к предмету внимания, самозабвенность – отвлечение от привычно ожидаемых последствий, от зависимости от окружающих; в-третьих, доверие самому себе – импровизация действий без предварительной подготовки и простого переноса прошлого опыта на настоящее, т.е. умение самоактуализироваться.

Самоактуализацию можно определить как посвящение себя чему-либо или служение ценностям. Ей способствуют коммуникативные умения и навыки, т.е. свободное владение искусством коммуникации, включая языковые средства – вербальные и невербальные. Самозабвенно отдаваясь идее, человек полностью раскрывается, а открытость позволяет спонтанно проявить свою сущность, свое Я. Он может познать себя в процессе самоактуализации и при выборе своих действий (предполагаемых шагов) прислушаться к своему внутреннему голосу и поступить «не как все», а быть самим собой, почувствовать

свою смелость, честность, взять на себя ответственность. Это приводит к чувству радости, удовлетворения. Все это – шаги к самоактуализации, процесс актуализации потенций индивида, развития самого себя. «Человек есть цель для себя, – пишет профессор В.В.Ильин, – реализация собственной целезначимости предполагает достижение гармоничного бытия, обеспеченного конкордией природы (связанная причинность) и воли (свободная причинность)» [4, с. 317].

Необходимо подчеркнуть, что социальной мобилизации человека должны способствовать и новые информационные и коммуникативные средства. Они активно вошли в сферу общественных отношений в конце XX столетия, нашли применение в образовательном процессе, изменили возможности сомообразования, распространения мобилизующей информации [8].

Призваны активизировать образовательные и самообразовательные процессы сопутствующие производственной, научной, управленческой, бытовой, досуговой и любой другой деятельности современные компьютерные технологии, которые обеспечивают доступность и разнообразие информации. Мы осознаем, что сегодня еще не все имеют постоянный доступ к получению информации через глобальную систему Интернет, но мы и не абсолютизируем значимость его. Не утверждаем, что Интернет монополизировал сегодня передачу информации для человека. Он лишь один из источников, включенных в информационное обслуживание населения, однако обладающий огромным коммуникативным потенциалом. Интернет может быть использован как средство мобилизации, формирования деятельной мотивации наряду с другими средствами массовой коммуникации.

Таким образом, оценивая пределы и возможности мобилизующего воздействия общества на личность, необходимо учитывать, что сам человек, являясь первичным социальным субъектом, представляет сложную социальную структуру, в которой переплетены и взаимосвязаны как ее объективные, так и субъективные свойства, возникающие и проявляющиеся в процессе его разнообразной деятельности. Следовательно, и эффективность социальной мобилизации человека во многом определяется соответствием ее приемов способу осуществления деятельности человека, его социальными потребностями, способностями к творчеству, степенью овладения культурными ценностями, нравственными нормами и убеждениями.

Библиографический список

1. Варшавский, А.Е. Чрезмерное неравенство доходов – проблемы и угрозы для России / А.Е. Варшавский // Социологические исследования. – 2019. – № 8.
2. Глебова, И.И. Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы / И.И.Глебова // Политические исследования. – 2006. – № 1.
3. Горшков, М.К. О социальных результатах постсоветских трансформаций / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2019. – № 11.
4. Ильин, В.В. Человек в политической истории / В.В. Ильин // Человек и современный мир. – М., 2002.
5. Лапин, Н.И. Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) / Н.И. Лапин, В.А. Ильин, М.В. Морев // Социологические исследования. – 2020. – № 1. – Т. 46.
6. Острогорский, М.Я Демократия и политические партии // Теория государства и права / авт. сост. Р.Т. Мухаев. – М., 2000.
7. Распутин, В.Г. Роль литературы в образовании и правовом воспитании / В.Г. Распутин // Alma mater. Вестник высшей школы. – № 3. – 2006.
8. Шинкевич, В.Е. Мобилизация как интергальная основа формирования профессиональных качеств обучаемых в образовательных учреждениях силовых институтов России: опыт и проблемы (по материалам социологических исследований специфики профессиональной подготовки сотрудников в учебных заведениях органов внутренних дел) : автореф. дис. ... доктора социологических наук. – Барнаул, 2007.
9. Шинкевич, В.Е. Политический маркетинг как разновидность политических технологий / В.Е. Шинкевич // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 5.

УДК 340

ПРАВОВОЙ СТАТУС «ГОСУДАРЯ ВСЕЯ РУСИ» В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

LEGAL STATUS OF THE «SOVEREIGN OF ALL RUSSIA» AT THE TIME OF FORMATION OF A UNITED RUSSIAN STATE

Бредихин Алексей Леонидович,
*старший преподаватель кафедры истории
государства и права Санкт-Петербургского
университета МВД России,
кандидат юридических наук*

axel_b@mail.ru

Ключевые слова:

великий князь, государь всея Руси, Иван III, византийская традиция, русское централизованное государство.

В статье автор рассматривает правовой статус великого князя («Государя всея Руси») в период создания единого (централизованного) русского государства. Этот статус раскрывается через характеристику титула, государственных символов, религиозно-идеологической концепции государственной власти. Автор приходит к выводу, что процесс централизации напрямую коррелирован с эволюцией статуса великого князя в системе власти Руси.

Keywords:

Grand Prince, Sovereign of all Russia, Ivan III, Byzantine tradition, Russian centralized state.

The legal status of the Grand Prince («Sovereign of All Russia») at the time of creation of a united (centralized) Russian state is considered in the article. This status is defined through the characteristics of the title, state symbols, religious and ideological concept of state authority. The author comes to the conclusion that the centralization process directly correlates with the evolution of the status of the Grand Prince in the public authority system in Rus'.

Ключевым моментом в истории России является создание единого (централизованного) Русского государства в конце XV – начале XVI вв., которое наряду с другими особенностями характеризовалось новым статусом великого князя. Более того, эволюция статуса великого князя напрямую связана с объединением Руси в единое государство.

В наиболее обобщенном виде можно назвать несколько причин образования единого Русского государства:

- получение независимости от Золотой Орды в 1480 г. Это событие фактически означало получение суверенитета и обусловило формирование системы государственной власти, а также статус высших государственных должностей;

- объединение русских княжеств. В результате политической и военной деятельности Московского княжества под его власть переходят ранее самостоятельные княжества. Москва становится центром объединения русских земель, а также духовным центром нового государства;

- экономический фактор, связанный с развитием товарно-денежных отношений. В советской исторической науке [8, с. 26-43] эта причина рассматривалась в качестве важнейшей, но представляется, что все же это сопутствующий процесс, который сам по себе не мог привести к созданию государства;

- деятельность церкви, которая в связи с распространением православия способствовала единству русского народа по религиозной принадлежности. Православие приобрело статус государственной идеологии, которая тем или иным образом влияла на государственную политику и деятельность высших органов власти;

- необходимость защиты от внешнего врага, что обусловило единство княжеств в борьбе как с Золотой Ордой, так и с Литовским княжеством.

Нужно отметить, что процесс создания единого русского государства прослеживается через развитие княжеской власти. Московское княжество и его князь изначально не имели большого экономического и политического веса на Руси. В дальнейшем, благодаря умелой политической деятельности московских князей, Москва становится центром экономической и политической жизни. Постепенно к московским князьям переходит монопольное право на ханский ярлык на княжение, который, с одной стороны, наделяет правом сбора дани со всех русских княжеств для отправки в Золотую Орду, а с другой – закрепляет главенство московского князя среди русских князей. То есть московский князь уже в этот период фактически получает верховенство на территории Руси, но еще зависит от монгольского хана.

Как отметил И.Д. Беляев: «Каждый удельный князь, потерявший свое владение, вместе с тем утрачивал всякое значение в народе, прежде ему подвластном, и либо делался слугой московского государя без всяких прав на прежнее

владение, либо убегал в Литву» [1, с. 409]. Иван III становится уже полноценным «государем всея Руси», а Иван IV – царем.

Окончательное оформление статуса Государя всея Руси происходит после освобождения от зависимости от Золотой Орды. Великий князь Московский, по сути, сохранил то же положение в системе управления Руси, что и в монгольский период, но теперь он становится уже сувереном, носителем верховной и независимой власти. В период единого государства его титул звучит так: «Государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Пермский, и Югорский, и Болгарский, и иных».

В целом статус Государя всея Руси стал результатом эволюции общественного и политического статуса великого князя в монарха в классическом его понимании. Окончательное оформление «монархичности» князя происходит в период правления Василия III, который уже в полной мере мог считать себя монархом, наделенным сакральными атрибутами и правом передавать власть и титулы по наследству. Это в значительной мере ограничивало возможность вступления на российский престол иных представителей высшей аристократии.

В.О. Ключевский также отмечал, что «завершение территориального сближения северо-восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство и таким образом сообщило великому князю московскому значение национального великорусского государя [5, с. 179]».

Преемство власти от своих предков уже не устраивало великого князя, требовалось более глубокое идеологическое обоснование правомерности занятия им престола, а также его верховенства и наивысшего авторитета в обществе.

В 1472 г. Иван III женился на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора. Судя по всему, этот брак изначально расценивался с точки зрения повышения политического влияния великого князя как внутри страны, так и на международном уровне.

В преддверии становления единого русского государства, а также в период царствования Ивана III и Василия III царской властью культивируется концепция преемства власти государя от византийских императоров. Появляются мифологизированные литературные произведения с соответствующим обоснованием родословной великих русских князей. Так, примерно в 1520-х гг. появляется произведение «Сказание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы, в котором не только говорится об императорской (византийской) генеалогии московских князей, но и вразрез и исторической логике, и хронологии утверждается, что Владимир Мономах во время похода к Царьграду получил из рук

деда, императора Константина Мономаха, шапку с драгоценностями и титул цезаря (царя) [6, с. 53].

Имея такую идеологическую основу для обоснования своего статуса, Иван III уже в 1494 г. в мирном договоре с Литвой именуется Государем всея Руси. Уже после освобождения от власти Золотой Орды Иван III в сношениях с некоторыми правителями именуется также «Царем всея Руси». Слово «Царь» представляет собой видоизменение латинского титула «Цезарь», что опять же подчеркивает преемственность титула от Римской империи. Кроме того, иногда в документах в период правления Ивана III он именуется «самодержцем», что означает перевод слова «автократор», характеризующего титул византийского императора.

С конца XV в. на печатях Ивана III появляются изображения византийского герба, двуглавого орла. Держание такой печати государем тоже символично в смысле его монополии в принятии решений от имени государства.

Как и в Византии, власти государя предписывалось божественное происхождение. На это также указывали его официальные подписи: «Иоанн, Божиею милостью государь всея Руси». Византийскому императору Льву Исавру (VIII в.) «приписывают слова: «я царь и священник». Государь считался фактически главой православного мира в целом – государства и церкви» [2, с. 12].

Тем не менее в византийской традиции прослеживается идея происхождения власти не только от Бога, но и выраженная в выборе народа. В Московской Руси в обосновании происхождения власти государя использовалось только теологическое начало: источником власти государя считалась исключительно воля Бога [4, с. 17].

Собственно в государственно-правовом смысле статус государя раскрывается через его положение в среде других русских князей, а также в его правах, обязанностях и ответственности. Если говорить о правовой регламентации деятельности государя, то в юридической форме они не были изложены в каких-либо формально выраженных источниках. Фактический статус государя с его ресурсами и возможностями, а также религиозная обоснованность власти сформировали само собой разумеющуюся неограниченную широту полномочий.

С образованием русского централизованного государства взаимоотношения великого князя с бывшими удельными князьями строятся уже не на договорных вассальных отношениях, а по принципу подданства (полное подчинение воле Московского князя всего населения от высших до низших сословий). Непосредственное управление территориями единого государства осуществляют наместники и волостели, которые назначаются и наделяются полномочиями непосредственно самим государем.

Безусловно, несмотря на верховное положение государя, в этот период общественное влияние знатных бояр еще очень велико и он вынужден с этим считаться. Например, при назначении на высшие государственные должности применялся принцип местничества, что также можно считать компромиссом между великим князем и высшей аристократией.

Укрепление власти государя происходило посредством формирования нового служилого сословия – дворян, которые, не будучи представителями высших боярских фамилий, наделялись землей (поместьями) за свою службу и на время службы. Материальное благополучие таких дворян целиком и полностью зависело от власти великого князя, поэтому они стали его опорой в противовес старому боярству. В дальнейшем статусы бояр и дворян уравниваются, дворяне начинают служить на высших государственных должностях.

Как верховный правитель государь имел широчайшие полномочия в системе власти. Он мог единолично решать все важнейшие вопросы государственной жизни, ведал внешними отношениями, объявлением войны и мира и пр. В важнейших вопросах государь «советовался» с Боярской думой, для того чтобы получить поддержку и одобрение бояр. Взаимоотношение государя и Боярской думы строилось по принципу «царь указал, а бояре приговорили». То есть царь давал некоторые распоряжения относительно того или иного государственно важного вопроса, а Дума «приговаривала», то есть рассматривала вопрос и принимала по нему решение, которое подлежало обязательному исполнению. Так, например, в Судебнике 1497 г. сказано, что он его «уложил Князь Великий Иван Васильевич всея Руси с детьми своими и с бояры...». Таким образом, принятые решения становились общим делом и государь мог рассчитывать на помощь и содействия бояр в реализации того или иного решения. Кроме того, таким образом распределялась ответственность за последствия общегосударственных решений.

В официальных документах того периода нет сведений о наличии каких-либо юридических обязанностей государя перед кем-либо, что, впрочем, объяснимо его статусом в системе власти. Боярская дума формировалась непосредственно великим князем, ввиду этого обязанностей по отношению к ней он не имел.

Если говорить о юридической ответственности, то государь не мог быть подвергнут какому-либо наказанию и любой другой мере ответственности. Судебная власть в качестве единой ветви не существовала, поэтому великий князь был полностью неподсуден.

Власть великого князя была юридически неограниченной и воплощала собой восточные традиции властвования. Видимо, реальное ограничение монархической власти «несли в себе те обычаи и традиции, которые утвердились в русской политике за предшествующие десятилетия и века. В первую очередь

это относится к дворцовому праву, а также к церковному праву, которое должно широко применяться в сфере семейно-брачных отношений и в некоторых иных областях» [3, с. 35].

Важную роль в ограничении власти монарха имели религиозные нормы. Православие как доминирующее духовное течение оказывало моральное воздействие на поступки и решения великих князей. Как указывает В.А. Рогов, уже во времена Московского царства монарх на Руси часто поступал, не считая себя ограниченным правовыми нормами, тем не менее «он всегда сохранял ответственность перед церковью» [7, с. 33].

Главной целью властвования становилась защита интересов государства. Исполнение властных распоряжений государя для подданных не только обязанность, но и религиозный долг. Все сословия и подданные независимо от общественного положения и происхождения, должностного или иного статуса являлись фактически холопами «государя» и по умолчанию должны были действовать в интересах государства, которое олицетворяет монарх. Ни одно из сословий не было свободным в той или иной степени и было включено в единую вертикаль власти, возглавляемую государем.

Великий князь, несмотря на концепцию божественности происхождения его титула, не был главой церкви, не вмешивался в вопросы вероучения, хотя оказывал влияние на церковное управление. Церковь, в свою очередь, старалась не принимать непосредственного участия в осуществлении государственного управления, но осуществляла поддержку и одобрение проводимой государственной политики.

Система престолонаследия была устроена таким образом, что власть должна была передаваться по наследству от отца к сыну и не предусматривала участия каких-либо сторонних сил в выборе и назначении наследника престола.

Таким образом, становление русского централизованного государства шло параллельно с эволюцией статуса великого князя, усилением его власти. В начале XVI в. политико-правовое положение князя как внутри государства, так и на внешнеполитическом уровне в целом оформилось. Он стал сувереном со всей полнотой власти, приобрел сакральный статус монарха. Его власть получила легитимацию и религиозно-идеологическое обоснование, что фактически закрывало доступ к получению великокняжеского титула для представителей других боярских семей.

Библиографический список

1. Беляев, И.Д. История русского законодательства / И.Д. Беляев // Мир культуры, истории и философии : серия. – СПб. : Лань, 1999.
2. Вернадский, Г.В. История права / Г.В. Вернадский // Мир культуры, истории и философии : серия. – СПб. : Лань, 1999.
3. Глушаченко, С.Б. Российское право IX-XIX вв. (исторические зарисовки) / С.Б. Глушаченко [и др.] : под общей ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2002.
4. Казанцев, Д.А. Статус Государя на Руси и в Византии: общее и особенное в практике и доктрине IX-XIV вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.А. Казанцев. – М., 2013.
5. Ключевский, В.О. Русская история : полный курс лекций / В.О. Ключевский. – М.: Эксмо, 2008.
6. Мадорский, А. Русский хронограф. Вся православная Россия времен от Юрика до Николая Второго / А. Мадорский. – М., 1999.
7. Рогов, В.А. История государства и права России IX-начала XX веков : учебник / В.А. Рогов. – М. : Зерцало, 1995.
8. Сахаров, А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV-XVII вв. / А.М. Сахаров. – М., 1969.

УДК 378.6

**ТВОРЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ**

**CREATIVE THINKING
IN THE MODERN EDUCATIONAL SYSTEM**

Маслодудова Наталья Владимировна,

*доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат философских наук, доцент*

nata.maslodudova@yandex.ru

Ключевые слова:

творческое мышление, искусственный интеллект, человеческая разумность, педагогическая ситуация, гуманитарное образование, новые образовательные технологии, цели современного образования.

Keywords:

creative thinking, artificial intelligence, human rationality, pedagogical situation, liberal education, new educational technologies, purposes of existing education.

В статье на основе анализа понятия творческого мышления и возможностей его формирования в рамках гуманитарного образования демонстрируется актуальность живого общения преподавателя и обучающихся в рамках современной системы образования. Обосновывая указанную актуальность, автор не отрицает необходимость развития информационных технологий и дистанционного обучения, но требует учитывать особенность формирования эмоционально-чувственного компонента творческого мышления обучающихся.

Based on the analysis of the concept of creative thinking and possibilities of its developing in the framework of liberal education the article considers the importance of live communication between a lecturer and students in the modern educational system. The explanation of the mentioned importance does not deny the necessity of developing information technologies and distance training, but requires considering the peculiarity of developing emotional component of creative thinking of students.

Творческая деятельность является одной из родовых способностей Homo Sapiens (человека разумного). Творить, то есть создавать что-то новое для себя, может абсолютно каждый представитель нашего рода. При этом мы понимаем, что далеко не каждый ребенок, складывающий первый свой LEGO, станет выдающимся конструктором, а рисующий картину – гениальным художником. С точки зрения материалиста, для этого нужна большая и непрерывная работа (гениальность – это доведенное до совершенства творчество), а с точки зрения идеалиста, для этого необходимо вмешательство сверхъестественного (Бог во всех его лицах, Абсолютный дух, Мировой Разум и т.п.). Очевидно одно – потребность к созданию нового определяет развитие интеллекта самого человека. Интеллект как отличительная черта человека, делающая его исключительным среди всех живущих на земле существ, представляет собой одновременно простое и сложное явление. Простота связана с возможностью приспособляться (и в этом смысле человеческие интеллектуальные возможности безграничны), так как он не просто использует естественную природу, но и способен создавать искусственную. Сложность этого явления кроется в сочетании его с разумом. Именно поэтому, когда мы говорим: «разумная, интеллектуальная деятельность», мы ставим запятую, подчеркивая, что это не слова-синонимы. И именно поэтому даже самый современный искусственный интеллект не может стать подлинной альтернативой разумной, интеллектуальной деятельности человека. Интеллект, состоящий из способности адаптироваться к новым ситуациям, к обучению на основе опыта, пониманию и применению абстрактных концепций, а также способностей к использованию своих знаний для управления окружающей средой, может рассматриваться лишь как основа для развития разума.

Разумная мыслительная деятельность (глубинное и обобщенное мышление) – это высшая ступень логического понимания, теоретическое, рефлексизирующее сознание, оперирующее обобщениями и ориентированное на наиболее полное и глубокое знание истины. Именно поэтому разум одновременно является и двигателем нашего интеллекта, и потенциальным его ограничителем. Эта та сила, которая есть у человека и которой нет у искусственного интеллекта. Благодаря этой силе мы способны осознавать и предвидеть последствия своих открытий, способны давать им нравственные оценки и выбирать, реализуя свою свободу. Приведу пример, чтобы было понятно о чем идет речь: современные информационные технологии дают нам возможность заменить живое общение, но мы вправе его не ограничивать; современные медицинские технологии дают возможность женщинам не рожать в отведенные для этого природой сроки, а, использовав «суррогатное» материнство, обзавестись ребенком после 50-и лет, сделав успешную карьеру, но, несмотря на такую возмож-

ность, мы вправе сделать свой выбор в пользу самостоятельного рождения и молодого материнства.

Таким образом, именно творческое мышление человека является центральным звеном его творческой деятельности. В самом этом мышлении выделяются рационально-логический и эмоционально-образный компоненты. Современное информационное общество в силу своей специфики все меньше уделяет внимание эмоционально-чувствительной сфере. Благодаря взаимосвязи эмоционального восприятия и логического понимания вещей происходит возникновение таких чувств, которые способны стать незаменимым ориентиром выбора области поиска решения на втором этапе творческой деятельности и залогом осуществления возможности осознания интуитивно найденной идеи на третьем этапе.

Сопровождение познания логики материала его эмоционально-ценностным отражением помогает глубже понять рациональный смысл. Чувства оформляются в определенный образ, отражающий его рациональную сущность и чувственное восприятие. Уточняется и закрепляется данный образ в ходе творческих заданий по проверке и преобразованию полученных знаний, успешное выполнение которых предполагает проявление взаимосвязи эмоционального и логического содержания материала.

Следует заметить, что развитие эмоционально-чувственного компонента может выступать условием формирования творческого мышления обучающихся только в том случае, если систематически обеспечивать чувственно-образное восприятие и формировать у них эмоциональное отношение к изучаемым объектам. Необходимо сознательно организовывать вхождение обучающихся в ситуации эмоциональных переживаний, дающих возможность непосредственного проживания эмоций и чувств, возникновения эмоционально и рационально обусловленных образов, способствующих накоплению эмоционально-чувственного опыта и развитию эмоционально-образного компонента мышления.

Вопрос в том, как в условиях современной системы образования обеспечить развитие этого эмоционально-чувственного компонента? Какой представляется нам современная система образования? Что является показателем ее современности? Учитывая основные аккредитационные показатели учебных заведений, на первое место выходят информационные технологии, возможности дистанционного обучения, сокращение аудиторных занятий с участием преподавателя (смешанная система обучения). В таких условиях практически уходят в прошлое традиционные лекционные занятия и групповые дискуссии. Для гуманитарных дисциплин заменена живого общения электронными формами выполнения и контроля заданий является серьезным деструктивным фактором. При этом именно гуманитарные дисциплины играют важнейшую роль в формировании эмоционально-чувственного компонента творческого мышле-

ния обучающихся. Гуманитарное образование выступает важнейшим фактором социокультурной детерминации, так как его целью является формирование субъекта культуры, который понимает ее статус и ее динамику. Главную задачу базового гуманитарного образования можно определить как обеспечение условий для становления нравственного сознания личности, выработки ее главной жизненной позиции, ценностных ориентаций, убеждений и мотивов деятельности. Все это обеспечивает более полное проявление способностей и дарований в плане последующей самореализации личности на протяжении жизненного пути. Поэтому гуманитарное образование направлено на формирование общекультурной компетентности человека, которая должна не просто выходить за пределы профессиональной сферы, но и должна оказывать влияние на саму профессиональную сферу, в которой задействован образованный специалист. Как отмечал В.М. Розин, еще в начале реформирования российского образования после распада СССР; «Образованный человек – это не только специалист и не только личность, а именно человек культурный и подготовленный к жизни. Подготовленный не просто к нормальной жизни и отлаженному производству, но к испытаниям, к сменам образа жизни, к изменениям» [3, с. 40].

Специфика гуманитарных наук заключается в освоении действительности на основе ценностей, что дает возможность соизмерять мир с человеческими потребностями. Отнюдь не все изменения, приносимые в результате человеческой деятельности в реальный мир, одинаково приемлемы для человеческой природы. Ценности выступают в качестве социокультурных средств соотнесения событий и изменений, происходящих во внешнем мире, с миром человека. Становясь базовыми элементами системы личностных ценностей, гуманитарные знания влияют на формирование ценностных ориентаций конкретной личности. При этом необходимо понимать, что ценностные ориентации, формируемые на одних и тех же ценностях, далеко не всегда бывают абсолютно похожими. Существование различных вариантов заложено в ценности самого гуманитарного образования [1, с. 105]. Такая ценность предполагает свободное самоопределение индивида в культурном пространстве многообразия ценностей. То есть личность сама выбирает ценности, которые приобретают для нее личностный характер и служат основой для формирования ценностных ориентаций. В этом смысле задача гуманитарного образования состоит в том, чтобы дать полное представление о смысловом пространстве возможного свободного выбора и ответственности, которая обязательно следует за этим выбором. Это не случайно, так как Ж. П. Сартр, проявив максимализм в трактовке свободы воли, отмечал, что «каждый человек, обладая свободой воли, несет ответственность за все, что творится в мире» [4, с. 169]. Он считал, что человек постоянно строит сам себя вплоть до мельчайших деталей и во время этого

строительства постоянно натывается на свою ответственность. Можно сказать, что возможности свободного выбора соразмерны степени ответственности, поэтому чем шире возможности человека, тем значительнее бывают последствия его выбора.

Большую помощь в этом могут оказать специально сконструированные педагогические ситуации, которые могут создавать условия для творческого решения. Под педагогической ситуацией понимается совокупность условий и обстоятельств, специально задаваемых преподавателем или возникающих спонтанно в педагогическом процессе. Именно поэтому в процессе развития творческого мышления обучающихся особые требования предъявляются к личности самого педагога. Удобное и отвечающее современным требованиям дистанционное обучение, на которое мы сегодня возлагаем большие надежды, никогда не сможет восполнить этого необходимого живого общения с преподавателем. Как отмечает О.И. Титова, «именно учебные занятия, осваиваемые дисциплины в силу их преобладания становятся основным пространством, создающим воспитательную среду для личности студента, курсанта, слушателя, определяющим воспитательный потенциал этого этапа жизни молодого человека» [5, с. 149].

Конечно, мы не можем идти против прогресса, но мы можем, предвидя негативные последствия, направлять этот прогресс. В этом и состоит сила разумного человеческого интеллекта, упомянутая выше. Современные педагоги способны оценить возможности новых образовательных технологий, более того, они способны увидеть реальные изменения в самих обучающихся. Новое поколение существенно отличается от предыдущих студентов. Вчерашняя шутка про Юлия Цезаря, способного одновременно делать несколько дел, в современной аудитории уже неактуальна. Они действительно способны писать лекцию, самостоятельно рассуждать, обращаться за информацией в Интернет, и все это осуществлять одновременно. Рациональность и прагматизм являются определяющими во многих действиях современных молодых людей. Именно поэтому мыслительная творческая деятельность возникает у них тогда, когда в этом есть необходимость. Попробую объяснить и это на простом примере. Когда перед современным обучающимся ставится какая-то задача, первое, что он делает, – это смотрит в Интернете, добывая информацию о том, кто и что уже по этому поводу сделал. Призыв к преподавателям – чаще создавать новые задания, учитывая возможности современного Интернета, – не решает поставленного вопроса. Это касается и конкретных задач по экономике, и написания эссе (собственного мнения) по какой-то проблеме в рамках гуманитарных дисциплин. При этом очень немногие задумываются о том, совпадает ли их собственное мнение с тем, что они берут за основу своего ответа. Почему такое происходит? На наш взгляд, это связано с тем, что современные техно-

логии позволяют обезличить себя. Живое обсуждение в условиях педагогической ситуации, где немалую роль играет импровизация, не допускает такой обезличенности. Обучающийся вынужден самостоятельно делать выбор в потоке имеющейся информации. Собственное творческое мышление оказывается здесь востребованным.

Делая вывод, следует сказать, что современное общество каждый день создает все больше условий для внедрения в образовательный процесс новых технологий, позволяющих свести к минимуму традиционные формы проведения занятий в виде лекций и семинарских занятий. Если рассматривать лекции и семинарские занятия как простую форму передачи информации, то следует согласиться, что такая форма действительно устарела. Но если смотреть на эти аудиторские занятия с точки зрения возможности создания в ходе их проведения педагогических ситуаций, то их роль в образовательном процессе остается бесценной. Цель образования – это формирование личности, способной к творческому мышлению, благодаря которому осуществляется реализация не только общекультурных, но и профессиональных компетенций, предъявляемых к будущим специалистам. Еще десять лет назад мы говорили о том, что «надо принципиально изменить постановку задачи: делать ставку в обучении не только на расширение формального объема новых знаний и умений, а на самого человека, на развитие его личностных качеств и способностей» [2, с. 55]. Хочется надеяться, что в современной системе образования живой педагог, понимающий данную задачу, не будет заменен искусственным интеллектом.

Библиографический список

1. Маслодудова, Н.В. Духовная культура личности и гуманитарное образование / Н.В. Маслодудова. – Красноярск, 2005.
2. Маслодудова, Н.В. К вопросу о модернизации юридического образования / Н.В. Маслодудова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2010. – № 4(8).
3. Розин, В.М. Философия образования: предмет, концепция, основные темы и направления изучения / В.М. Розин // Философия образования для XXI века. – М., 1992.
4. Спиркин, А.Г. Философия / А.Г. Спиркин. – М., 2012.
5. Титова, О.И. Личностно-профессиональные качества и возможности их развития в период обучения в вузе / О.И. Титова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2019. – № 4(50).

УДК 343.98:159.99

**ОБОСНОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЕМОВ
ИЗ АРСЕНАЛА СПОРТИВНЫХ ЕДИНОБОРСТВ В ЦЕЛЯХ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССА ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ. ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ**

**JUSTIFICATION FOR THE USE OF MARTIAL ARTS
TECHNIQUES TO IMPROVE THE PHYSICAL TRAINING
OF POLICE OFFICERS. FORMULATION
OF THE PROBLEM**

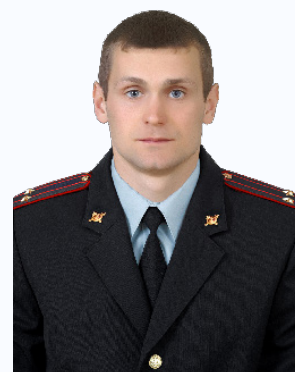
Гуралев Владимир Михайлович,
*старший преподаватель кафедры физической
подготовки Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат педагогических наук, доцент*

gural100@mail.ru

Апальков Александр Владимирович,
*старший преподаватель кафедры физической
подготовки Белгородского юридического
института МВД России имени И.Д. Путилина*

apalkov@yandex.ru

Ключевые слова:

физическая подготовка, боевые приемы
борьбы, двигательный навык, сотруд-
ник ОВД, правонарушитель.

В статье рассматриваются вопросы о проблемах, связанных с повышением качества физической подготовки сотрудников ОВД. Авторами проводится анализ существующей системы физической подготовки сотрудников, обосновывается необходимость включения в процесс физической подготовки сотрудников приемов и технико-тактических действий из арсенала борьбы самбо, в том числе приемов борьбы лежа.

Keywords:

physical fitness training, combat fighting techniques, motor skill, police officer, offender.

The issues of improving the quality of physical fitness training for police officers are considered in the article. The authors analyze the existing system of physical fitness training for police officers and substantiate the need to integrate technical and tactical moves from the arsenal of sambo wrestling, including ground wrestling techniques into physical fitness training program for police officers.

Физическая подготовка является одним из основных направлений профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Средства и методы физической подготовки направлены на формирование устойчивых навыков применения физической силы и боевых приемов борьбы в ситуациях, связанных с обеспечением личной безопасности и проведением силового задержания правонарушителей. Силовое задержание подразумевает применение какого-либо технического действия (приема) в отношении правонарушителя, способного оказать физическое сопротивление.

На протяжении длительного времени в аналитических работах и методических изданиях по профессиональной подготовке в системе МВД России высказываются критические замечания по организации обучения, методике подготовки и оценки физической подготовленности сотрудников. В первую очередь это касается образовательных организаций системы МВД России. Справедливо указывается, что уровень рукопашной подготовки среднестатистического сотрудника весьма далек от декларируемого. Отмечается направленность обучения в сторону демонстрации техники боевых приемов борьбы на несопротивляющемся партнере вместо формирования прочных умений и навыков их реального применения в ситуациях пресечения различных правонарушений, включая силовое противоборство и рукопашную схватку [3].

Практика показала, что сегодня будет востребован такой выпускник, который окажется способным эффективно и правомерно решать служебно-боевые задачи. Известно, что в основе эффективной деятельности лежит определенный объем прикладных двигательных навыков, полученных в образовательных организациях системы МВД России. Проводя исследование, мы выявили существенные противоречия, обусловленные несоответствиями между потребностью МВД России в квалифицированных кадрах (выпускниках) и недостаточным уровнем их подготовленности для решения задач в условиях противоборства с правонарушителем, а также возрастающими требованиями к профессиональной подготовленности преподавателей и недостаточной разработанностью программ повышения квалификации.

В соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) физической силой, следует считать физические действия, не сопровождающиеся применением специальных средств и огнестрельного оружия. Сотрудник полиции имеет право применить физическую силу в отношении отдельных лиц либо их имущества в целях пресечения активного противоправного поведения. Из содержания Закона о полиции следует, что физическая сила в широком юридическом толковании – это действия сотрудника против правонарушителя, не сопровождающиеся применением специальных средств и огнестрельного оружия, исключая болевые и ударные воздействия, то есть причиняющие боль или физический ущерб. Необходимость в их применении возникает при наличии определенных ситуаций, которые регламентированы нормативными правовыми актами.

С точки зрения принципов биомеханики физическая сила – это способность человека преодолевать внешнее сопротивление или противостоять ему за счет мышечных усилий (напряжений). Руководствуясь этим определением, можно предположить, что в процессе применения боевого приема борьбы сотрудником полиции правонарушитель будет оказывать мышечное сопротивление на протяжении всего времени и на всех этапах выполнения. Очевидно, что эффективность приема будет зависеть от технических и тактических умений исполнителя, отработанных на практических занятиях по физической подготовке.

Целью тактической подготовки сотрудника к противоборству с правонарушителем является создание выгодной статодинамической ситуации для проведения приема.

Из статьи 20 Закона о полиции следует, что сотрудник полиции имеет право применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, если несиловые способы не обеспечивают выполнения возложенных на полицию обязанностей, в следующих случаях: для пресечения преступлений и административных правонарушений; для преодоления противодействия законным требованиям сотрудника полиции. Противодействие в физическом выражении характеризуется величиной мышечных усилий, прилагаемых правонарушителем в ответ на действия сотрудника полиции.

Согласно Закону о полиции сотрудник «имеет право применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы...». Поэтому складывается впечатление, что боевые приемы борьбы – это не физическая сила, а некая ее разновидность, следовательно, в ситуациях, когда возникает необходимость применения приема, необходимо выполнять его, не ожидая силового сопротивления правонарушителя. Известно, что любой физический контакт сотрудника с правонарушителем в условиях применения приема вызовет ответное рефлекторное противоположенное действие с соответствующей величиной мышечных усилий последнего. При решении конкретных задач самозащиты и задержания

правонарушителя данное обстоятельство необходимо учитывать. Однако подготовка, а также периодическая проверка на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, которую обязан ежегодно проходить сотрудник, предусматривают отработку приемов на несопротивляющемся партнере. На практических занятиях, зачетах и экзаменах по физической подготовке при выполнении приемов самозащиты и задержания сотрудники имитируют приемы, стремясь точно и детально выполнить все компоненты упражнений. Эксперты строго следят за соблюдением требований к обязательному обозначению (нанесению) расслабляющего удара, по какой части тела или конечности он нанесен. Ассистент выполняет все требуемые от него действия (например, принимает правильную позицию, которая облегчит фиксацию подконтрольного положения сдающим (загиб руки за спину)). На тему эффективности болевых приемов, выполняемых стоя, очень точно выразился основоположник борьбы самбо В.С. Ощепков: «Приемы в стойке основаны главным образом на «рычагах», то есть на таких приемах, которыми выворачивают суставы рук в болевом направлении. «Рычаги» в стойке в условиях серьезной рукопашной схватки не имеют практического значения и могут быть действительны лишь тогда, когда противник «добродушно поддается», «не ожидает нападения» или вообще не имеет в виду «сам нападать». Значение их тем более уменьшается, если на них делается ставка, как на самостоятельный прием» [1].

Целью физической подготовки сотрудников органов внутренних дел является формирование физической готовности к успешному выполнению оперативно-служебных задач, умелому применению физической силы, в том числе боевых приемов борьбы. Физическую готовность невозможно сформировать на практических занятиях без учета специфики деятельности в ситуациях самозащиты от нападения и при задержании, заключающихся в силовом сопротивлении правонарушителя.

Одной из задач физической подготовки сотрудников органов внутренних дел является овладение двигательными навыками и умениями эффективного применения физической силы, в том числе боевых приемов борьбы, и их непрерывное совершенствование. Двигательный навык – это оптимальная степень владения техникой действия, характеризующаяся автоматическим (при минимальном контроле со стороны сознания) управлением движениями, высокой прочностью и надежностью исполнения. То есть главной чертой навыка является его автоматичность. Сознание только в экстренных случаях контролирует правильность движений. Автоматичность движений придает навыку высокую устойчивость и стабильность при выполнении упражнения в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды: а) изменение окружающей обстановки, температуры, освещения и подобное; б) утомление, не-

домогание, эмоциональное возбуждение или угнетение. Одним из условий формирования навыка на занятиях является наличие элементов специфики профессиональной деятельности. Безусловно, специфическим элементом деятельности сотрудника является сопротивление правонарушителя при попытке выполнить последнему болевой или сковывающий захват.

В борьбе важным является проприоцептивная чувствительность, позволяющая борцу ориентироваться в пространстве, находясь в силовом контакте с противником, адекватно реагировать на проявление его мышечных усилий. Поэтому на занятиях по физической подготовке в целях формирования навыков применения боевых приемов борьбы надлежит использовать методики обучения, содержащиеся в программах спортивных школ борьбы самбо, дзюдо и бокса.

До 1991 г. сотрудники милиции изучали самбо, в том числе боевой раздел. С принятием 18 апреля 1991 г. Закона РФ «О милиции» термин «самбо» был заменен на «боевые приемы борьбы», что, по сути, означало уход от спортивных основ самозащиты в сторону совершенствования «навыков» демонстрация, соблюдения формальных признаков приемов. В содержании термина «боевые приемы борьбы» наличествуют определение «боевые», подразумевающее бой, рукопашный бой, бокс, кикбоксинг и другие, и определение «борьба», подразумевающее самбо, дзюдо и иные. Однако в практике обучения сотрудников боевым приемам борьбы отсутствует то, для чего они предназначены, а именно концепция развития технико-тактического мастерства ведения рукопашного поединка и борьбы в системе физической подготовки сотрудников органов внутренних дел. Остается не выясненным, почему такому важному направлению совершенствования прикладных навыков сотрудников, как «приемы борьбы лежа», вовсе не уделяется внимание. Отсюда бреши в воспитании у сотрудников важных психофизических качеств и морально-волевых качеств, таких как смелость, целеустремленность, инициатива, находчивость.

Система отечественной самозащиты (самбо) представляет собой синтез ударных единоборств и видов борьбы. Основоположник борьбы самбо А.А. Харлампиев на всесоюзной конференции тренеров по видам борьбы в Москве в 1938 г. заявил: «До тех пор, пока будут продолжаться поиски только в области сугубо прикладных, ограниченных по количеству приемов систем самозащиты, никакой реальной самозащиты быть не может. Для этого нужен фундамент, и этим фундаментом должна стать спортивная борьба» [6]. Нельзя не согласиться с данным утверждением. В спортивном конкурентном поединке совершенствуются и проверяются навыки болевых приемов, бросков, проводимых на сопротивляющимся партнере, имеющим такую же цель, как и у оппонента, – победить по установленным правилам. Соревнуясь в одинаковых условиях, спортсмены совершенствуют необходимые для сотрудников качеств

ва: смелость, самообладание, настойчивость, целеустремленность, решительность, инициатива, находчивость и морально-волевые качества.

По мнению С.В. Кузнецова, решить задачу правомерного применения сотрудником физической силы (в том числе мы полагаем и боевых приемов борьбы) возможно только с помощью арсенала средств, представленных в наставлении по организации физической подготовки сотрудников ОВД. С.В. Кузнецов не представил четкого определения термина «боевые приёмы борьбы» как «системы», ограничившись рассуждениями на тему выявления разницы цели в боевых искусствах и спортивных единоборствах в сравнении с целевыми установками полицейских в конкретных ситуациях служебной деятельности. «Способы и приемы физического воздействия, применяемые полицией, в совокупности представляют собой свою, принципиально не похожую на другие виды единоборств систему». «Эта непохожесть обуславливается, прежде всего, ее целью. Цель – это главный фактор, обуславливающий границы любой системы, ее главные свойства и отношения. ... ни одна спортивная или прикладная система рукопашного боя, самозащиты, единоборства или боевое искусство не могут быть приспособлены именно как системы, предназначенные для применения сотрудниками полиции физической силы. Применение сотрудниками полиции силы – это другая система приемов физического воздействия на людей, система со своей существенно отличающейся от них целью... Цель – правомерно преодолеть неповиновение, сопротивление. Принудить силой повиноваться, подчиниться» [2].

Приведенное утверждение относительно «непохожести» считаем спорным, поскольку полицейская техника приемов физического воздействия не могла возникнуть сама по себе. Ее создавали и систематизировали специалисты, которые основывались, прежде всего, на специфике единоборств, поскольку она сходствует по характеру с действиями сотрудника, осуществляющим силовое задержание правонарушителя.

В процессе ведения поединка спортсмен атакует по установленным правилам вида борьбы оппонента, проявляющего активное сопротивление и противодействие. Чтобы подавить сопротивление, борцу следует применить технико-тактическое действие с целью сковать противника болевым или удушающим приемом в соответствии с правилами вида спорта [4]. Сотруднику будет только в пользу в противоборстве с правонарушителем или с преступником иметь в своем арсенале средств защиты и нападения навыки борьбы самбо или дзюдо.

Для достижения данной цели мы не находим никаких препятствий, чтобы использовать богатый, проверенный временем технический арсенал самбо.

Применение сотрудниками полиции физической силы, как и прежде, может проявляться в различных формах.

Во-первых, боевые приемы борьбы, которые могут относиться к любым си-

стемам рукопашного боя (например, боксу, дзюдо, самбо, каратэ) либо не входят ни в одну из них, закону безразличны. Главное, чтобы способ силового воздействия, избираемый сотрудником полиции (вид, сила, локализация и интенсивность ударов, удушающих, бросковых и других подобных приемов), был соразмерен характеру и степени опасности пресекаемого правонарушения, лиц, его совершивших, силе оказываемого противодействия, то есть не был явно, очевидно для всех чрезмерным в данной ситуации [5].

Как видно из комментируемого определения, боевые приемы борьбы не могут восприниматься как самостоятельная, самодостаточная, развивающаяся система рукопашного боя. Автор неспроста указывает на принадлежность приемов к распространенным и имеющим заслуженную репутацию видам спортивных единоборств.

Из этого следует, что сотрудник полиции может успешно применять умения и навыки, сформированные на занятиях под руководством квалифицированных преподавателей в области спортивных единоборств, с соответствующими условиями и требованиями к их правомерному применению.

Таким образом, использование на занятиях с сотрудниками ОВД спортивных средств и методов с целью повысить уровень технико-тактической подготовки защиты от нападения и проведения эффективного задержания также позволит повысить уровень профессиональной подготовленности сотрудников в аспекте правомерного применения физической силы в ситуациях противоборства с правонарушителями.

Библиографический список

1. Горбылев, А.М. Специальная библиотека В.С. Ощепкова / А.М. Горбылев. – М, 2013 – С. 138.
2. Кузнецов, С.В. Теоретические и методические основы организации физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / С.В. Кузнецов, А.Н. Волков, А.И. Воронов ; под ред. С.В. Кузнецова. – М. : ДГСК МВД России, 2016.
3. Медведев, И.В. Совершенствование методики боевых приемов борьбы как критерия профессиональной компетенции слушателей образовательных организаций МВД России / И.В. Медведев, В.В. Семенов // Проблемы современного педагогического образования : сборник научных трудов. – № 54(6). – Ялта : РИО ГПА, 2017. – С.
4. Осипов, А.Ю. Готовность дзюдоистов Урала и Сибири к соревновательной борьбе / А.Ю. Осипов, Б.М. Сапаров, Д.А. Шубин // Проблемы современного педагогического образования. Серия : педагогика и психология. – 2016. – № 50-3.
5. Соловей, Ю.П. Правовое регулирование применения сотрудниками полиции физической силы // Административное право и процесс. – 2012. – № 7.
6. Харлампиев, А.А. Система самбо. Боевое искусство / А.А. Харлампиев. – М. : Советский спорт, 1995.

УДК 808.56

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ
ПОЛИЦИИ РУССКОМУ ЖЕСТОВОМУ ЯЗЫКУ**

**TOPICAL ISSUES OF TEACHING RUSSIAN
SIGN LANGUAGE TO THE POLICE OFFICERS**

Арский Александр Адольфович,

доцент кафедры иностранных и русского языков

Сибирского юридического института

МВД России (г. Красноярск),

кандидат филологических наук

arski7@yandex.ru

Ключевые слова:

жесты, язык, глухой, обучение, полиция, речь, планирование.

В статье описываются основные причины существующих проблем эффективного обучения жестовому языку не только в России, но и в других странах. Помимо этого автор указывает на недостатки официальной учебной программы подготовки сотрудников полиции основам русского жестового языка в рамках реализации приказа Министерства внутренних дел, а также на отсутствие учебного пособия, соответствующего учебному времени, выделяемому на дисциплину в образовательных учреждениях МВД России в соответствии с учебной программой.

Keywords:

gestures, language, deaf person, training, police, speech, planning.

The article describes the main causes of the existing problems of effective sign language teaching not only in Russia, but also in other countries. The author points out the shortcomings of the official curriculum for training police officers in the basics of Russian sign language in the framework of the implementation of the Order of the Ministry of the Internal Affairs, as well as the lack of training manuals corresponding to time for training the discipline in accordance with the curriculum in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

В свете когнитивного подхода к объекту исследования любой язык является не только уникальной системой фонетических, лексических, грамматических и других единиц, объединенных общепринятыми среди его образованных носителей правилами, но и уникальным, соответствующим этому языку образом мышления [1]. Поэтому люди, лишенные слуха, являющегося одним из важнейших каналов получения информации в процессе коммуникации, с одной стороны, отличаются в той или иной степени специфичным мировоззрением, поскольку мыслят образами, а не словами, как это происходит у слышащих людей при реализации конструктивной функции языка, а с другой стороны, зачастую чувствуют себя в обществе слышащих, как иностранцы в чужой стране, оставаясь при этом полноценными ее гражданами. Поэтому присвоение в 2012 году в Федеральном законе от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» русскому жестовому языку статуса официального средства общения, в том числе и в сферах устного использования государственного языка Российской Федерации, стало важным и действенным проявлением заботы о людях, страдающих нарушением слуха. В упомянутом законе органам государственной власти и местного самоуправления было предписано создать условия для получения инвалидами по слуху услуг по сурдопереводу и обеспечить подготовку преподавателей русского жестового языка для последующего обучения сотрудников подведомственных учреждений.

15 июня 2015 года был опубликован приказ МВД России № 681/587 «Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, занимающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации», принятый во исполнение указанного Федерального закона, и в 2019 году изучение основ русского жестового языка стало обязательным для большинства категорий обучающихся в образовательных учреждениях МВД России. Возникает вопрос: почему это не было сделано намного раньше? Если глухой человек почувствует к себе уважительное отношение даже на уровне попытки заговорить с ним на жестовом языке, то он в большинстве случаев ответит готовностью идти на контакт.

Однако следует признать, что причиной затягивания с решением этого вопроса была отнюдь не неповоротливость российских властей. Например, показательной в этом отношении является проблема наименования инвалидов по слуху (в большинстве случаев слышащие люди используют по отношению к ним термин «глухонемой»). Одной из причин устойчивости использования этого термина является его использование до 50-х годов XX века в качестве общепринятого во всех документах и печатных изданиях. Проблема в том, что на протяжении многих столетий неслышащие люди считались необучаемыми. Лишь в 1760 году во Франции аббат де Л'Эпе открыл первую школу для глухих

людей [3], в России первая школа для глухих детей была открыта в 1806 году. Только в середине XX века жестовый язык был признан как самостоятельная коммуникативная система.

Следует учитывать, что в настоящее время термин «глухонемой» в отдельных случаях может спровоцировать инвалидов по слуху на обращение в суд, который, как показывает практика, в подобных случаях принимает решение в пользу истца. По действующему законодательству (например, ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление») за непубличное и без применения насилия унижение достоинства человека с ограниченными возможностями ответчику грозит штраф в размере до 3 тыс. рублей, если обида нанесена должностным лицом, то штраф может составлять до 30 тысяч рублей. При этом в настоящее время на официальном уровне активно обсуждается вопрос об ужесточении наказания за подобные деяния: для физических лиц до 30 тыс. рублей, для должностных – до 50 тыс. рублей, для юридических лиц – до 300 тыс. рублей. В данном случае уместным будет перефразировать пресловутое выражение «Незнание законов не освобождает от ответственности», берущее начало в основах Римского права, «*Ignorantia juris non excusat, ignoratio facti excusat*» (перевод: незнание закона не является оправданием, незнание факта является оправданием) в выражение «Незнание различий между терминами «глухой» и «немой» не избавляет от ответственности». Инвалиды по слуху не являются немыми, хотя их речь и не отличается привычной для слышащего членораздельностью. Степень разборчивости речи глухого зависит от степени его слуха, от результатов его занятий с сурдологопедами, от его природных способностей к обучению и прочего. Поэтому в большинстве случаев правильнее говорить: «Люди с ограниченными слуховыми возможностями», «люди с нарушением слуха», «инвалиды по слуху» или «неслышащие». Слово «глухие» – это неофициальная характеристика людей с дисфункциями слуха.

Другой причиной затягивания с решением присвоить жестовому языку официальный статус официального средства общения является фактический запрет на использование жестового языка при обучении глухих, утвержденный в 1880 году в Милане на Международной конференции педагогов, работающих с глухими [5]. Большинство голосов на этой конференции было провозглашено приоритетным методом обучения глухих речи, получивший позднее неофициальную аббревиатуру «ЧУМ» (чтение по губам). С тех пор в России и во всей Европе в школах для глухих стали искоренять преподавание жестового языка и с его помощью. До сих пор во многих учебных заведениях для глухих следуют этому методу, отказываясь от возможностей жестовой речи. Однако следует признать, что, не подвергая сомнениям успех системы ЧУМ, данная методика препятствует образованию взаимосвязи мышления и речи глухого. Для глухого говорение является лишь «техникой, заключающейся в заученной после-

довательности движений мышц речевого аппарата», но не средством передачи информации [4]. Проблема в том, что глухой ребенок, как правило, попадает к сурдопедагогам с большим запозданием, поскольку его родители до последнего не могут признать неисправимость ситуации. Такие дети оказываются запущенными как в коммуникативном плане, так и в общеобразовательном. В ходе обучения механическому говорению их не успевают учить смыслам произносимых слов, усваиваемых слышащими детьми обычно к соответствующему возрасту. В итоге не редкость глухие, успешно окончившие школу, но добившиеся хороших оценок путем механического заучивания, а не понимания, осмысления текстов.

В 1938 году на Всероссийском совещании по вопросам обучения и воспитания глухих детей эффективность системы ЧУМ была поставлена под сомнение [2]. После этого школьную программу обучения глухих дополнили дактилологией. Но это лишь отчасти улучшило сложившуюся ситуацию. Для глухих русский язык говорящих остается чужим, а родной язык жестов официально не преподается, поэтому не отличается единообразием и общепринятостью. Как следствие, многозначность русского языка говорящих остается для глухих недоступной на уровне смысла, например, словосочетание «материнская плата» они понимают буквально – «мама + платить». Таким образом, фактически многие глухие не только не являются носителями языка говорящих, но и не понимают многих его смыслов в силу невысокого уровня образования. И виноваты в этом как упомянутые родители, до последнего отказывающиеся верить в глухоту своего ребенка, так и система образования, ориентированная на отказ от изучения жестовому языку.

По всей видимости, это одна из причин отсутствия до сих пор единого словаря русского жестового языка и соответствующей специальной учебной литературы, за исключением редких разработок, направленных на подготовку переводчиков жестового языка. За эталон среди специалистов условно принят московский вариант русского жестового языка. Зачастую на небольшой словарный запас неправоммерно ссылаются глухие, оправдывая таким образом нарушение ими закона, незнание которого, как известно, не избавляет от ответственности. Но ограниченный словарный запас приводит к тому, что глухой не всегда правильно понимает по губам говорящего, как бы четко ни артикулировалось произносимое. К тому же это может проходить намного медленней, чем у слышащего человека. На жестах и дактиле коммуникация у глухих не уступает по скорости коммуникации слышащих людей, но при необходимости общения с человеком, не владеющим навыками жестового языка, глухим остается либо использовать довольно медленный способ «напиши – я прочитаю», либо пытаться считать информацию по губам, что многим дается с большим трудом. В подобных случаях возможно неполное понимание либо пол-

ное непонимание собеседниками друг друга, что в ряде случаев сравнимо со старческой деменцией, когда тебя вроде понимают, но отвечают не впопад, то есть совсем не то, что ты хочешь услышать в ответ (например, «Сколько время?» – «Да, похолодало»). Поэтому если глухой на вопрос «Понял ли он?» кивнет утвердительно, то не лишним будет переспросить его, что он понял на самом деле. Кивнуть он мог просто, чтобы не показаться идиотом, или полагая, что правильно интерпретировал слова (например, по губам).

Поток информации, который получают глухие из окружающего мира, идет в большем объеме через оставшиеся в их распоряжении информационные каналы: зрение, тактильные ощущения, обоняние, ощущение вибраций. Поэтому они намного больше придают значение мимике и жестам. Обычный человек не жестикулирует так активно и не пользуется такой артистичной мимикой. Это необходимо учитывать сотрудникам полиции, вступающим в контакт с глухими: активные движения, мычание и другие проявления могут означать вовсе не агрессию, а дискомфорт от невозможности что-то объяснить, страх из-за непонимания требований, предъявляемых ему полицейскими, и просто желание что-то доходчиво объяснить в состоянии сильного волнения. Им бесполезно кричать в спину: «Стой! Стрелять буду!», их внимание необходимо привлекать другими способами. Например, в зале, наполненном глухими, нужно провести эвакуацию из-за угрозы обрушения потолка, при этом необходимо сильно топнуть по полу, тогда вибрация привлечет внимание, а далее следует обрисовать жестами необходимость покинуть помещение.

Все вышеперечисленные факты должны учитываться при разработке учебно-дидактических материалов для обучения основам русского жестового языка, в том числе сотрудников полиции.

В настоящее время в образовательных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации очное обучение русскому жестовому языку проводится в объемах: 60 и 24 аудиторных часа (зависит от категории обучающихся). Больше время отводится на обучение сотрудников полиции, целенаправленно откомандированных с места работы с целью изучения основ русского жестового языка на факультете повышения квалификации (далее – ФПП) в течение двух недель. 24 аудиторных часа изучают указанную дисциплину слушатели ФПП и курсанты высшей формы обучения.

С одной стороны, включение всех категорий обучающихся по очной форме в образовательных учреждениях МВД России, как уже отмечалось выше, стало запоздавшим, но крайне необходимым решением. Обучающиеся в образовательных учреждениях МВД России слушатели из Казахстана, Киргизии, Кыргызстана, Таджикистана, Южной Осетии, Абхазии, Монголии и других иностранных государств в число изучающих в обязательном порядке русский жестовый язык не попали по простой причине – в этих странах жестовый язык до

сих пор не получил официального статуса и, соответственно, его изучение не относится к числу приоритетных направлений подготовки сотрудников правоохранительных органов. Хотя заметим, что дактилология на национальных языках упомянутых стран, по сути, построена на основе дактилологии русского жестового языка, поскольку алфавиты стран бывшего СССР и Монголии создавались на основе кириллицы. С переводом казахского письма на латиницу ситуация со схожестью дактильных систем постепенно изменится, но этот процесс будет длительным.

С другой стороны, существующие учебные программы пока не отличаются проработанностью из-за кратковременности их использования и, как следствие, недостаточности накопленного опыта. Критическому переосмыслению и итоговой переработке необходимо подвергнуть тематические планы программ. Существующие версии выглядят недостаточно продуманными. Поэтому преподаватель вынужден придерживаться существующего тематического плана, но подавать материал в более эффективной последовательности и с более правильными формулировками.

Однако слабая проработанность тематического плана существующей примерной рабочей программы, в которую допускается вносить изменения только косметического характера, является не единственной актуальной проблемой для преподавателей этой относительно новой для образовательных учреждений МВД России дисциплины. Наибольшую значимость имеет проблема отсутствия соответствующего дидактического обеспечения, поскольку среди опубликованных пособий по основам русского жестового языка до сих пор нет оптимального, то есть соответствующего целям, задачам и тематическому плану дисциплины. Речь идет, прежде всего, о двух источниках: учебное пособие «Теория и практика русского жестового языка» [6] и 20-я глава «Основы русского жестового языка» 3-й части учебника «Профессиональная подготовка полицейских» (учебник находится в стадии доработки, однако разослан в образовательные учреждения МВД России для рецензии).

Учитывая взаимосвязь упомянутых учебника и учебного пособия, предлагаем их обобщенный анализ.

1. На наш взгляд, в указанных работах представлено довольно спорное противопоставление КЖР (калькирующей жестовой речи) и РЖР (разговорной жестовой речи). Судя по тексту, РЖР – это «настоящий» жестовый язык, а КЖР – это нечто вторичное. Однако специалисты по этому поводу до сих пор высказывают полярные точки зрения, и для учебника, созданного для обучения сотрудников полиции, правильным было бы как минимум уточнить, что именно КЖР, как наиболее приближенный к литературной форме языка, является предпочтительной грамотной формой официально-делового общения на русском жестовом языке, однако об этом в учебнике не говорится. Следует

отметить, что КЖР неоднороден и ему присущи многие черты РЖР, включая и специфический порядок слов, однако авторы, по всей видимости, под этой аббревиатурой понимают исключительно полную кальку речи слышащего (говорящего) человека, но умалчивают тот факт, что РЖР – это, по сути, просторечное общение малообразованных глухих. Получается, что преподаватели дисциплины «Русский язык в деловом общении. Культура речи» могут с таким же успехом преподавать сотрудникам полиции основы просторечной речи, изобилующей вульгаризмами, поскольку так общаются многие из тех, с кем правоохранителям придется иметь дело в реальной обстановке профессиональной коммуникации. В частности, именно КЖР использовался сурдопереводчиками в телевизионных новостных программах до распада Советского Союза, что являлось существенным подспорьем в распространении образца жестовой речи, наиболее приближенной к литературному языку. На наш взгляд, эта тема нуждается в дальнейшем изучении и обсуждении на уровне специалистов, в то время как в учебнике рекомендуется воздержаться от однозначной оценки «настоящий / ненастоящий» РЖЯ. Другой вопрос, что необходимо говорить об особенностях привычного порядка слов речи рано оглохших людей, зачастую отличающихся невысоким уровнем образования, но не требовать от сотрудника полиции, изучающего лишь основы РЖЯ, следования зыбким нормам разговорной речи, нормативность которой вызывает большие сомнения.

2. В тексте работ используется термин «аграмматичность жестового языка», однако до этого говорится о «самостоятельной и самобытной лингвистической системе, обладающей собственной ... грамматикой». Возможно, правильным бы было заменить упомянутый термин на «примитивную грамматическую систему» или не давать подобных оценок вовсе. Полагаю, авторам главы хорошо известно, что определение системы русского жестового языка как аграмматической в настоящее время потеряло свою актуальность, тем более что в самой главе «несуществующая» грамматическая система описана. Другой вопрос, что грамматике РЖЯ не хватает четкости правил, единообразия и обязательности для всех носителей языка на всем пространстве его распространения, как это имеет место в ситуации с литературным языком.

3. В упражнениях, входящие в раздел дактилологии, включены скороговорки и довольно объемные тексты, не учитывающие продолжительность практического занятия и сферу профессиональных интересов обучающихся. Логичнее было бы, на наш взгляд, вставить на их место профессионально ориентированные короткие сообщения полицейской тематики.

4. Непонятно включение в жестовые темы от 60 до 110 жестов, что также не учитывает ни длительности практического занятия, ни ограниченного количества подобных занятий. На наш взгляд, оптимальным является введение на

занятия не более 20 специфических жестов, не считая универсальных, одинаково понятных глухим и слышащим носителям определенного языка, в данном случае – русского. В частности, примерной рабочей программой предполагается изучение за курс всего 75-100 жестов.

Прихожу к выводу, что проанализированный дидактический материал содержит много дидактического материала, способного значительно разнообразить занятия по дисциплине, количество используемых для его освоения жестов не противоречит требованиям примерной учебной программы. Возможно, следует допустить введение на семи практических занятиях, заложенных в тематическом плане дисциплины, 120-150 специфических жестов в расчете на дифференцированный подход, рассчитанный на наличие в группе «сильных» и должным образом мотивированных обучающихся, но в упомянутых учебнике и учебном пособии эта цифра значительно выходит за указанный предел допустимого.

Библиографический список

1. Звегинцев, В.А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта / В.А. Звегинцев. – М., 1984.
2. История сурдопедагогики : учебное пособие для студентов дефектологических факультетов педагогических институтов / А.Г. Басова, С.Ф. Егоров. – М. : Просвещение, 1984.
3. Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В.В. Давыдов. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1999. – Т. 2. – с. 622-623.
4. Русский жестовый язык. Начала : учебное пособие / А.Е. Харламенков. – М. : ОнтоПринт, 2017.
5. Сакс, О. Зримые голоса / О. Сакс ; пер. с англ. А.Н. Анваера . – М. : АСТ, 2019.
6. Теория и практика русского жестового языка : учебное пособие. – М. : ДГСК МВД России, 2018.

УДК 378.09

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТРЕНИРОВКИ С УЧЕБНЫМ ПАТРОНОМ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ

ON THE ISSUE OF USING TRAINING WITH A DRILL CARTRIDGE IN TEACHING FIREARMS TRAINING AT AN EDUCATIONAL ORGANIZATION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Васильева Татьяна Борисовна,

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

vasilevatatyana1511@gmail.com

Ключевые слова:

огневая подготовка, профессиональная подготовка, профессиональные компетенции, огнестрельное оружие.

В статье рассматриваются вопросы профессиональной подготовки сотрудников полиции, сложности, возникающие при освоении дисциплины «Огневая подготовка», проводится анализ профессионального обучения сотрудников полиции. Автор предлагает пути совершенствования методики проведения учебных занятий по огневой подготовке с использованием учебного патрона.

Keywords:

firearms training, professional training, professional competencies, firearms.

The issues of professional training for police officers and challenges that arise while mastering the course “Firearms training” as well analysis of professional training for police officers and some ways of improving the methodology of conducting instructions in firearms training using a drill cartridge are considered in the article.

Образовательные организации МВД России, занимающиеся всеми уровнями профессиональной подготовки, на методическом уровне создают эффективные программы для различных категорий слушателей. В настоящее время первоначальная подготовка сотрудников органов внутренних дел осуществляется в течение 4-6 месяцев. За это время сотрудникам необходимо овладеть профессиональными компетенциями, в том числе и по огневой подготовке, что требует от сотрудника не только усердной интеллектуальной работы по изучению теоретических основ, но и в определенной степени психологической зрелости для успешного освоения техники стрельбы. Методологическая основа проведения занятий по огневой подготовке ограничивается проверкой знаний по теоретическому разделу и выполнением различных нормативов и упражнений, предусмотренных для курсантов и слушателей организаций, осуществляющих образовательную деятельность МВД России [1].

Ввиду ограниченного количества занятий и различного уровня освоения программы по предмету «Огневая подготовка» слушателями в силу индивидуальных особенностей овладения приемами и навыками обращения с боевым оружием на разных этапах обучения возникают различные сложности. В процессе обучения слушателей безопасному обращению с оружием и выполнению различных упражнений Курса стрельб рано или поздно наступает такой момент, когда кажется, что оружие уходит из точки прицеливания в последнюю долю секунды до выстрела или даже в момент самого выстрела. Как правило, перед производством такого выстрела стрелок понимает, что при обработке спуска курка с боевого взвода палец остановился и больше не может осуществлять непрерывное, планомерное нажатие. На занятиях преподаватель всегда говорит о том, что такой выстрел можно и даже нужно отложить, если это упражнение предполагает стрельбу без ограничения времени.

Но чаще всего на факультете профессиональной подготовки Сибирского юридического института МВД России от слушателей, проходящих первоначальную профессиональную подготовку, можно услышать, что оружие уходит из точки прицеливания в момент самого выстрела.

При опросе слушателей данная проблема озвучивается следующим образом:

- палец не давит на спусковой крючок;
- на пистолете тяжелый спуск;
- неудобная изготовка, которая влияет на устойчивость;
- неудобный хват пистолета, который влияет на отклонение оружия от линии прицеливания в момент выстрела.

При производстве стрельбы из пистолета и особенно при нажатии на спусковой крючок у стреляющего в работу включаются различные мышцы кисти и даже руки. То есть можно сказать, что при стрельбе из пистолета оружие может отклоняться от линии прицеливания из-за того, что стреляющий

перестает контролировать мышцы, удерживающие оружие [2]. Это происходит при обработке спускового крючка. Именно поэтому так распространено мнение о том, что в неправильном выстреле виноват палец, осуществляющий нажатие на спусковой крючок.

Человек может контролировать одно или два действия, а сконцентрироваться на нескольких элементах техники стрельбы одновременно становится сложно. В связи с этим внимание стреляющего рассеивается, и он может допустить ошибки в каком-либо из элементов техники стрельбы. В огневой подготовке как раз приходится одновременно контролировать как минимум три элемента техники стрельбы: прицеливание, удержание оружия в руке или в руках (хват) и управление (нажатие пальца) спусковым крючком.

При анализе неудачного выстрела у слушателя можно заметить такую закономерность: стрелок может уверенно удерживать пистолет на линии прицеливания в течение одной или двух секунд, то есть его внимание в этот момент сконцентрировано на таких элементах техники стрельбы, как хват и прицеливание. В случае отклонения частей прицельного приспособления, стрелок с легкостью может поправить положение пистолета. Проблема заключается в том, что все внимание стрелка занято процессом прицеливания и удержания оружия, а на один из наиболее важных, на наш взгляд, элементов техники стрельбы – управление спусковым крючком – объема внимания может не хватить. Как раз в этот момент стреляющий может начать осознавать, что палец не осуществляет нажатие на спусковой крючок, попросту остановился и все, что можно сделать в этот момент, – это просто дожать крючок и таким образом «сорвать» выстрел [3].

Чаще всего такие действия и такие неправильные выстрелы происходят по одной и той же схеме. Когда стреляющий осуществляет нажатие на спусковой крючок, он еще контролирует части прицельного приспособления, а контролировать мышцы рук, удерживающих оружие, уже не в состоянии. Это происходит потому, что для человеческого мозга зрение является гораздо более важным элементом контроля, нежели мышечный контроль. Благодаря зрению человек получает основной объем информации об окружающем мире. Поэтому, когда мозг стреляющего не может сконцентрироваться на нескольких элементах техники стрельбы, перед ним встает задача сконцентрироваться на чем-то одном, и главным чаще всего выбирается прицеливание. В результате при нажиме на спусковой крючок стреляющий перестает контролировать мышцы, удерживающие оружие, но в состоянии сделать так называемую «отметку выстрела», то есть понять, куда именно ушло оружие в момент выстрела.

На занятиях по огневой подготовке в случае, если преподаватель видит систематически неудовлетворительный результат, методика предполагает включение такого занятия, как «работа над ошибками». На практике это означает,

что одному или нескольким слушателям предоставляется возможность производства нескольких серий, состоящих из различного количества выстрелов, каждая из которых при этом заканчивается осечкой. Это достигается путем снаряжения преподавателем магазина не только боевыми патронами, но и одним учебным. Благодаря такой тренировке чаще всего выявляется проблема ожидания выстрела стрелком, то есть происходит сокращение мышц еще до выстрела. Таким образом, стрелок выполняет прицеливание, но, зная, что сейчас будет отдача, как бы не дожидаясь ее, неосознанно совершает движение руками вниз или вперед. Подобные действия приводят к тому, что не достигается главная задача – не поражается цель. Благодаря тренировке с учебным патроном стрелок перестает ждать выстрела и тем более прекращает бороться с отдачей, что позволяет на мышечном уровне закрепить то, как правильно совмещать такие элементы техники стрельбы, как прицеливание, удержание оружия и нажатие на спусковой крючок. Такие занятия за время обучения слушателей на факультете профессиональной подготовки проводятся 2-3 раза: после завершения обучения медленной стрельбе, то есть без ограничения времени, после блока скоростной стрельбы и непосредственно перед экзаменом. Проведение практических стрельб с использованием учебного патрона позволяет добиться улучшения результатов на экзамене и повысить средний балл группы за выполнение тех или иных упражнений курса стрельб.

Подводя итоги, можно сказать о том, что профессиональные компетенции во время первоначальной профессиональной подготовки по дисциплине «Огневая подготовка» сформировать достаточно сложно. Речь не идет о том, чтобы научить слушателей культуре обращения с оружием; в рамках первоначальной подготовки сотрудников органов внутренних дел приходится говорить лишь о том, чтобы научить каждого слушателя безопасному обращению с оружием, сделать все возможное, чтобы сотрудник смог грамотно работать с оружием как в тире, так и в боевой обстановке, выполнять поставленные служебно-боевые задачи, а также успешно проходить промежуточную и итоговую аттестации. Более того, можно предположить, что большинство выпускников факультета профессиональной подготовки Сибирского юридического института МВД России имеют устойчивый навык обращения с огнестрельным оружием и смогут уверенно и эффективно действовать в ситуациях, связанных с применением огнестрельного оружия.

Библиографический список

1. Медведев, И.В. К вопросу об эффективности профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / И.В. Медведев // Проблемы современного педагогического образования : сборник научных трудов. – Ялта : РИО ГПА, 2018. – Вып. 60. – Ч. 4. – С. 278-281.
2. Огрыза, А.В. Совершенствование сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыков стрельбы из пистолета / А.В. Огрыза, С.Н. Архипов // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2019. – № 1. – С. 442-448.
3. Организация учебных стрельб из пистолета в органах внутренних дел Российской Федерации : учебно-методическое пособие / С.Н. Архипов, Р.А. Рустамов, И.В. Фишер. – Тюмень : ТИПК МВД России, 2019. – 92 с.

ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ!

Приглашаем ученых, сотрудников правоохранительных органов, соискателей и аспирантов юридических вузов и факультетов опубликовать свои научные статьи в научно-практическом сетевом издании «Научный компонент».

В журнале могут быть опубликованы статьи на темы:

- профилактика немедицинского употребления психоактивных веществ, противодействие незаконному обороту наркотиков;
- теория и практика раскрытия и расследования преступлений;
- правовые и гуманитарные проблемы правоохранительной деятельности;
- социально-экономическая направленность;
- специальная, оперативно-боевая, физическая подготовка сотрудников правоохранительных органов;
- совершенствование образовательного процесса в образовательных учреждениях высшего профессионального образования;
- кадровая и воспитательная работа.

По решению редакционной коллегии в журнале могут быть опубликованы научные и информационные материалы, не предусмотренные тематикой журнала.

Редакция организует рецензирование каждой представленной рукописи.

Материалы публикуются на безгонорарной основе.

Рукописи и диски как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Электронная версия журнала размещается в открытом доступе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на сайте института (<http://сибюи.мвд.рф>), в научной электронной библиотеке (<http://www.elibrary.ru>).

Требования к статьям

1. Статья предоставляется в редакцию журнала в печатном виде с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронный вариант статьи может быть предоставлен на носителе либо вложением в электронное письмо.

2. Вместе со статьей автор предоставляет заполненный и подписанный лицензионный договор (бланк договора доступен на сайте института).

3. К статье прилагается заключение комиссии об отсутствии сведений ограниченного распространения.

4. Для адъюнкта (аспиранта) прилагается отзыв научного руководителя.

5. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные авторов (адрес, телефоны, адрес электронной почты).

6. К письму отдельным файлом прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате *.jpg, *.jpeg, *.tif, *.tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

7. Элементы издательского оформления материалов включают:

– сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);

– заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;

– индекс УДК (Универсальной десятичной классификации);

– аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Аннотация должна соответствовать ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76) (в среднем 500 знаков);

– пристатейный библиографический список, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.0.100 – 2018 (в алфавитном порядке).

8. Технические требования:

– текстовый редактор Microsoft Word (*.doc, *.docx);

– параметры страницы: размер бумаги – А4 (21,0x29,7 см), поля – 2,00 см, расстояние до колонтитула – 1,25 см;

– шрифт Times New Roman, обычный, кегль 14 пунктов;

– абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине (не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»!), межстрочный интервал полуторный;

– объем статьи 8-16 страниц;

– сноски на литературу оформляются ссылками к пристатейному библиографическому списку (в квадратных скобках);

– графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате *.tif, *.tiff, *.jpg, *.jpeg в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;

– файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов.doc»; графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».

9. Статьи, не соответствующие перечисленным требованиям, не рассматриваются.

Ждем Ваши материалы по адресу:

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

E-mail: onrio@yandex.ru

Телефоны: (391) 222-41-30, 222-41-31

Над номером работали

редакторы: Ю.В. Леонтьева, Е.В. Василевская
дизайн и верстка: Е.В. Василевская

Подписано в печать 08.04.2020
Программное обеспечение Adobe InDesign CS6
Объем издания 10 Мб

Адрес редакции и издательства:

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20